

Вячеслав Белоусов

ТЕМНЕЕ НОЧЬ ПЕРЕД РАССВЕТОМ

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

Коллекция военных приключений

Вячеслав Белоусов

Темнее ночь перед рассветом

«ВЕЧЕ»

2018

Белоусов В. П.

Темнее ночь перед рассветом / В. П. Белоусов — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Коллекция военных приключений)

ISBN 978-5-4484-7564-1

Последние годы существования Союза Советских Социалистических Республик... Великая страна трещит по швам, реальную власть в России получают новые люди, есть среди них и те, кто предпочитает жить не по закону, а «по понятиям». Щупальца матеряющего преступного спрута тянутся и в Афганистан, и в Москву, и в Поволжье, где работает первый заместитель областного прокурора Данила Ковшов. Он и его товарищи ведут отчаянную борьбу с правонарушителями всех мастей, но на сей раз эта схватка касается Ковшова лично... Новый роман известного мастера отечественной остросюжетной прозы.

ISBN 978-5-4484-7564-1

© Белоусов В. П., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Часть I	6
Тревожное наваждение	7
Утро вечера мудренее	8
Загадки порождают тайны	11
Властвующие и страждущие	13
Операция «Снежный ком»	20
Чёрная женщина в чёрной вуали	24
Заказ или ординарность?	28
На войне нельзя ошибаться дважды	30
Один покойник тащит другого	32
Нежданная встреча	34
Нужен смельчак зажечь свет	36
Великий эксперт Дынин Илья ибн Артурович	40
Светлое начало – чёрный конец	41
Бой дромадеров[4]	43
Ночь сюрпризов	46
Сюрпризы продолжают	49
Что день грядущий?.	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Вячеслав Белоусов

Темнее ночь перед рассветом

Знак информационной продукции 12+

© Белоусов В. П., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Памяти моего сына Владислава

Часть I

*Крепчайший панцирь – доблестное сердце,
И трижды тот вооружён, кто прав!
Но тот, чья совесть злом совращена,
Будь он закован в латы, всё же наг.*

У. Шекспир. Генрих VI, часть 2

Тревожное наваждение

Выбравшись из-под холодного душа и растираясь до покраснения жёстким полотенцем, Ковшов в который раз не без волнения и тревоги вспоминал минуты тяжкого утреннего пробуждения. Сознание не покидал пронзительный взгляд умирающего, молящего о спасении итако¹, никогда не виданного и вдруг ворвавшегося в его сон... Измождённая согбенная фигурка со щемящей тоской в бездонных чёрных глазницах, яйцеобразная лысая голова, бесформенная хламида, волочившаяся за ней, скрывала сандалии и заметала следы.

Да и не шагал он вовсе! Ног не было, шаман парил в безграничной космической тьме. Не было дороги, над которой он передвигался, не пылилась тропинка. И её самой не различить. Колыхающееся рубище с головой, сияющей в струившемся невесть откуда луче яркого света, подстреленной птицей устало, из последних сил, упорно пыталось взлететь, скрыться, исчезнуть.

Вот ему удалось обернуться, замереть на мгновение, будто желая спросить или сказать что-то, но, так и не осмелившись, тяжело вздохнув, он двинулся далее, пока не превратился в едва заметную точку и не пропал совсем, так и не открыв рта...

Почему Даниле привиделся этот японский шаман? Одежда в лохмотьях? Характерный абрис лица? Скулы? Узкие щёлки вместо глаз?..

Жалящий холод и мерзкий ужас парализовали его. Душу захолонуло, сердце замерло. Он попытался закричать, отмахнуться руками, но не смог ни двинуться с места, ни шелохнуться, схваченный неведомой силой, словно клещами...

¹ Итако – японские монахи, шаманы, по преданию обитающие с душами умерших; в наши дни они дважды в год во время особых фестивалей совершают обряды в специальных местах на островах Японии.

Утро вечера мудренее

– Непременно выбери время съездить в поликлинику, – не дослушав его эмоциональный рассказ, встревожилась жена, пододвигая Ковшову стакан кефира вместо обычного утреннего кофе и меняя в бутерброде масло на ветчину. – Кстати, я оббила язык: когда наконец ты исполнишь обещание бросить курить? Дымишь хлеще вулкана!

Данила вздрогнул, вскинул на неё глаза, но сказать не успел. Очаровашка, как продолжал он её называть, заалела, покраснелась, и, залюбовавшись ею, он поперхнулся.

– Что ещё? – совсем некстати сверкнула она слезинками.

– Представь, только что вспомнил ещё одну деталь, – промямлил он. – Шаман тот, японец из сна, скрылся в вулкане... Чёрная такая гора с вершиной, дымящейся, словно заводская труба. Видела, наверное, картины в гостиницах... вроде Фудзиямы, только круче. Они считают её священной...

– Вот-вот! Свихнуться можно! Это у тебя предвестники инфаркта или инсульта! – всплеснула руками Очаровашка. – Ты погряз в работе по уши. Не видим тебя с дочкой ни днём, ни ночью!

– Насчёт ночи, дорогая, ты явно переборщила.

– А вчера?

– Я же объяснял: Галицкого срочно вызвали в Генеральную прокуратуру, в воскресенье ещё самолётом прокурор области вылетел в столицу. Как на первого зама, естественно, на мою голову свалились все проблемы, и вчера пахал допоздна на приёме посетителей, впопыхах Аксентий Семёнович его не отменил.

– Молчи! Ты всегда находишь оправдания. Лучше вспомни, когда мы отдыхали вместе в последний раз. Я молчу о себе, но твоя дочка забыла запах моря. А ей это прописано врачами. Между прочим, как и тебе. Вот причина больных галлюцинаций! И будет хуже! Я сама уже болею из-за твоей работы. Каждый день на нервах!

Губы её дрожали, Очаровашка едва сдерживалась, чтобы не расплакаться.

– Ну что ты завелась с утра? – буркнул он.

– В конце концов, я напишу письмо Владу и пожелаю сыну, хотя ты лучше меня понимаешь, каково ему сейчас там, на границе. Ты этого дожидаясь?

– Ему там больше делать нечего, только читать такие послания. – Данила, обняв жену, попытался её приласкать. – Это же Афган, дорогая.

При этих словах его обожгло в груди: знала бы Очаровашка всю правду, которую они скрывали с сыном, щадя её. В действительности Владислав в составе так называемого ограниченного контингента советских войск, введённых несколько лет назад в Афганистан, нёс боевую службу в армейской разведке. Когда Ковшов получил это известие от сына, он вспылал; не владея собой, рванулся ехать к областному военному комиссару, но, сообразив, что затея уже бестолковая, схватился за телефон и стал набирать номер Генеральной прокуратуры. Давний приятель ещё по учёбе в институте Виктор Илюшин осуществлял надзор за КГБ и уж, конечно, мог помочь, но вмешался случай – Илюшин отлучился из кабинета, и Данила не повторил звонка. Промучившись больше часа, он закрылся в кабинете на ключ и достал поллитровку из сейфа, а потом, обхватив голову руками, множество раз перечитывал злополучное письмо, в котором сын, как обычно, коротко объяснял свой поступок, прося ничего не говорить матери. До боли в глазах, опрокидывая стакан за стаканом, Ковшов пожирал те жёсткие строчки: «Мне нельзя поступить иначе, отец, ведь я твой сын...»

* * *

– Что с тобой опять, наказание моё? – Голос Очаровашки вернул Данилу в действительность. – Ты словно окаменел.

– Кефир холодный, застрял в горле, – почти натурально изобразил он кашель. – Сегодня ещё на заседание бюро обкома с утра бежать, а я от вчерашнего приёма не отойду. Давит шапка Мономаха.

Поцеловав жену, Ковшов перевёл дух только в салоне служебной «Волги», скомандовав водителю обычное: «Вперёд и с песней».

– Вы вроде собирались в обком пораньше? – заикнулся ничего не забывавший водитель.

– Успеем, Костя, в аппарат надо заскочить, – откинулся он на спинку сиденья, возвращаясь мыслями к злосчастному приёму.

Причины тому были: во-первых, записавшиеся подняли недовольный гвалт, узнав, что вместо прокурора их ждёт встреча с исполняющим обязанности. Когда же восторжествовала житейская мудрость: раз время убито, его следует с толком использовать, очередь почему-то не сократилась, а возросла – засиживались жалобщики у Ковшова, потому что тот угощал каждого чашкой чая, несмотря на удивлённые, а затем укоризненные взгляды грозной смотрительницы канцелярии, подававшей угощение; тщательно выслушивая явившихся, что-то записывал себе в журнал, хотя каждый приносил и оставлял у него на столе увесистый набор документов с письменным заявлением. Долго беседовал. Документы в своём большинстве содержали копии ответов из различных, в том числе и прокурорских, инстанций... Когда время перешагнуло девятый час вечера и голова Данилы застопорилась от выпитого кофе, а хвост очереди наконец-то подобрался к его кабинету, о чём выразительно просигналила глазами секретарша, сменившая начальницу, взгляд Ковшова упёрся в очередного вошедшего, того самого, позже ужасным образом приснившегося ему ночью. Но тогда Данила был далёк от всего этого, и он попросту безмятежно вздохнул, предвкушая скорое избавление от тяжких трудов, и, надёжнее укрепившись в кресле, воззрился на посетителя.

Нет, не японец тот был вовсе, каким привиделся во сне, а крохотный кореец. Действительно лыс, даже выбрит, но глаза те же – пронзительные и глубокие, ожёгшие Ковшова мистическим огнём, лишь он заглянул в них. Неведомым иррациональным чувством, приводившим в оцепенение, веяло от пришельца, и, перебарывая себя, Данила кивнул на стул:

– Чем обязан?

– Вот! – бросил тот на стол несуразный треугольный пакетик и остался стоять.

– Незаконных вложений не имеется?

– Моя не понимает.

– Деньги, наркотики?..

Кореец молчал.

– Отравы нет?

– Разве можно...

– Ирина! – позвал Данила секретаршу и, когда та вошла с чашкой чая, кивнул на пакет: – Просмотрите, зарегистрируйте. Он плохо говорит по-русски. Завтра дадите мне в почту. – И, глянув на посетителя, спросил для верности: – Может, на словах что-нибудь? Сможешь?

– Долго говорить... Моя домой далеко ехать.

– Откуда же вы?

– Завтра читай.

– А сам?

– Найдёшь меня, нужен буду, – и развернулся к двери.

– Адрес, адрес!.. – бросилась за странным посетителем Ирина.

Но корейца и след простыл.
Знал бы Ковшов, что жутким видением тот явится к нему ночью...

Загадки порождают тайны

В записке пять корявых слов: «Найди меня, хозяин. Много скажу». На конверте ребус: «КИМ».

Проверили архивы за текущий и последние два года, всю переписку по жалобам и заявлениям, переворошили журналы входящей корреспонденции – талмуды, имевшие малейшее отношение к содержанию, смыслу, наконец, к почерку на клочке бумажки, таившейся в конверте корейца. Ничего близкого!

Ирина металась, как тигр в клетке. Смотрительница за канцелярией напоминала укротителя, не хватало кнута. Не подходи!

Подняли уголовные дела за последние несколько лет, материалы на без вести пропавших, нераскрытые убийства с корейскими фигурантами. Пусто!

Ковшов мотал нервы – спешил в обком, а мороки не виделось конца, заведующий административным отделом обкома, в прошлом транспортный прокурор Шундучков, которому Данила позвонил и поинтересовался насчёт повестки заседания бюро, удивился, что тот ещё не в обкоме, и процитировал не без ехидства: «Прокурор без моногля, обязан знать и зрить всё и окля». И когда успел нахвататься наглости? Не так давно, ходя в прокурорах, шляпу за версту скидывал, а с необъяснимым попаданием в команду Дьякушева словно заново родился. «Испортила власть или притворялся?» – поморщился Данила, отложил трубку телефона и крикнул, раздосадованный безрезультатными поисками:

– Ирина Алексеевна! Я уезжаю. Обязательно надо отыскать следы того корейца. Будет результат – звоните в приёмную обкома. Элеонора Емельяновна мне передаст в перерыве.

– Что это вы, Данила Павлович, в розыски ударились? – Лилейный голосок Шундучкова запел в трубке, впопыхах забытой Ковшовым на столе. – Документики потеряли? Непростительно, непростительно первому заму...

– А, чёрт! – не сдержался Данила. – Ты, Геннадий, оказывается, на прослушке у меня сидишь?

– Невольно, невольно, дорогой. Да и не корысти ради, а токмо по вашей же оплошности. Потерял бдительность, зам.

– Ты лучше ответь мне, что с повесткой заседания? наших вопросов нет?

– Не переживай, – сменил тон заведующий отделом. – У нас тут тоже не лучше. Нет никакой повестки. Не ты один, все члены бюро в шоке.

– Тогда зачем приглашён прокурор?

– Первый секретарь сменил рельсы, – подчёркнуто сухо процедил сквозь зубы Шундучков. – Не будет теперь никаких повесток. Открытым бюро будет. Приглашаются все желающие.

– Это как так?!

– А как Борис Николаевич в Москве. У него не только на заседания бюро, на конференцию открыт вход народу. Свобода и демократия! По-новому будем работать.

– Шутить изволите?

– Приходи – увидишь сам.

– Что, и в трамваях уже катается ваш Иван Данилович? Впитывает глас улиц?

– Трамвай он под откос задумал пустить. Пыль метут, грязь, заразу разносят.

– Тогда обязательно явлюсь. Ты мне местечко придержи к своему поближе. Посвятишь, если что не пойму.

– Особенно-то не торопись. У нас задержка непредвиденная. К Первому гости из столичного журнала нагрянули, и он с ними по городу решил проехать.

– Каков маршрут?

– Не бойсь. Вас не посетит. Он их по заводам, что ближе к Волге, повёз.

- На что глазеть? На теплоходы, что не сгорели в своё время и ржавеют на песке?
 - Это тоже картина со смыслом.
 - Предшественника в зад пихнуть, чтобы летел и кувыркался?
 - Леонид давно в Москве. Какой смысл глумиться над поверженным, тем более что вынос тела состоялся без его рук. Ивану Даниловичу сейчас разумно выворачивать всё наизнанку только для того, чтобы открыть глаза народу на наследство. Потом грандиознее будут выглядеть успехи.
 - Не опасаясь так заявлять по телефону?
 - Сейчас пацаны смелее на заборах пишут, а нам что! К тому же с кем я общаюсь?.. Со старым товарищем... можно сказать, с прокурором области... Ведь наши откровенности недоступны чужим ушам? Или у тебя другое мнение на этот счёт, уважаемый Данила Павлович?
 - У вас в обкоме действительно что-то происходит, – буркнул Ковшов. – И всё-таки ты ответь, Геннадий, минут двадцать у меня имеется?
 - Можешь рассчитывать на полчаса.
- Данила повесил трубку и направился к выходу, внушительно погрозив пальцем Ирине.
- К вашему возвращению отыщем пропавшего, Данила Павлович, – заверила та, забросив за спину копну светлых волос, и, лишь за ним захлопнулась дверь, упала на стул и скомандовала на всю канцелярию: – Отбой, девчонки! Несите чай! Умираю...

Властвующие и страждущие

До обкома можно было успеть и пёхом, но Данила наметил плотнее пообщаться с болтливым Шундучковым, поэтому предпочёл автомобиль и, попросив Константина убавить музыку, пустился мысленно перебирать наиболее «щекотливые» уголовные дела последних месяцев, будораживших внимание высших чиновников, длинноносых представителей общественности, вездливых акул пера и боссов от экономики.

Не без особого интереса относился ко всему этому и обком партии, требующий особых спецдонесений и информации; на этот случай Ковшов и запасся необходимым материалом.

Жизнь свидетельствовала, что всех их объединял нетерпимый зуд о ходе расследований, казалось бы, не имевших непосредственно к ним никакого отношения громких преступлений зарвавшихся казнокрадов, «неловких» взяточников, а также сексуальных маньяков и даже мокрушников. Ажиотаж был настолько высок, что порой выражался в телефонных звонках прокурорам, следователям и судьям, получив среди языкатых журналистов термин «телефонного права». Проявлялось это по-разному. Щепетильные боссы от власти и депутаты, например, деликатно именовали их запросами, требуя под разными предлогами справки и всевозможную информацию, ссылаясь на правовую паутину или же на придуманную и утверждённую на собственных заседаниях инструкцию.

Предшественник Галицкого, задолго начав заботиться о предстоящем покое, закрывал на беззаконие глаза, требуя того же от подчинённых, а вот вновь назначенный с Дальнего Востока обветренный штормами вольных мыслей непреклонный новичок, не успев вкусить местных дрызг «мценских подворотен», сгоряча попробовал враз порубить эти поползновения коррупционной элиты черпать с кухни правоохранительных экзекуторов «горяченькое», о чём недвусмысленно заявил во всеуслышание, воспользовавшись первой же возможностью выступить с трибуны местного актива. Вызвав жалкие хлопки известных «вождей» – его лозунг навести правопорядок отразился на их лицах гримасами недоумения.

– Тайна следствия, независимость и объективность – прерогатива, касающаяся всех! – всё же посчитал нужным оповестить зал оратор. – В том числе и меня. Обещаю вам это обеспечить. Правонарушения должны проверяться, доказываться и обретать статус истины только в суде. Никакого сюсюканья по углам, звонков с пожеланиями и просьбами я не допущу!

Зал заулыбался от такого заверения.

– Заживём, как у Христа за пазухой, с таким командиром! – не удержался от восторга полковник милиции Квашнин, восседавший слева от Данилы.

– Предшественник, помнится, тоже с этого начинал, – скривил губы Соломин, начальник следственного отдела КГБ, ткнувший Данилу в бок справа.

– Вам не Руссо или Бердяева ночами под одеялом почитать, а налечь на «Государя» Макиавелли, – съязвил сзади дружной троицы вездесущий Шундучков, облёкшийся к тому времени в должность заведующего административным отделом.

– Сплошь Спинозы и Нострадамусы! – выдохнул кто-то рядом.

– Читали в последнем «Московском комсомольце», что Хабалкин прописал? – шептали другим голоском.

– Да что ваш Хабалкин? Вот...

На разговорившихся зашикали, и дискуссия притухла.

Вороша воспоминания, старший советник юстиции Ковшов шагал по ступенькам Белого дома, как с некоторых пор народ именовал здание обкома партии, осторожно присматриваясь ко всему, ибо прекрасно знал, что как раз на таких лучезарных заседаниях, как бюро и партийные приёмы, дерьмо появляется нежданно-негаданно и перед самыми белыми штиблетами! А он в новом качестве в эти апартаменты приглашался впервые.

Полоскала душу ещё одна деталька. Погнали с треском знаменитого и бессменного Боронина. Старый за дверь, а уж новый у ворот. Не из местных, конечно, но и не из Рязани-Калуги, Вологды-Костромы, аж с самого отдела Центрального комитета КПСС! Правда, не ахти с какого, аппаратчик... кроме какой-то общественной академии, за спиной ничего, но успел прокрутиться и в Новороссийске, и в Краснодаре, к тому же воспитанник самого покойника Костика Черненко. Матроны в ожиданиях судачили не без грусти: в возрасте старичок, хоть и бодрится, очочки модные иностранные, личико подтянул, подчистил. Сплетен куча... Новый человек без них, что голый без фигового листа.

Но главное – из ЦК... Как заведено, по-ельцински, без чванства и низкопоклонства Первый враз стал единолично разъезжать по губернии. Маршрутов заранее не объявлял, никого с собой не брал, выезжал внезапно и падал, словно снег на голову. Естественно, не прошло и недели, как безо всяких заседаний бюро обкома полетели кресла из-под задниц десятка блудливых раззяв. «И поделом!» – всплеснул руками заждавшийся перемен плембс. Когда внезапно на голых рынках вдруг появились туши свежайшего мяса, народ, забывший его вкус и цвет, готов был носить Первого на руках. Окрылённые взбудораженные толпы, митингуя, приветствовали начинания нового лидера, плюя в спину прижимистым хозяйственникам. А те, владевшие матерным да с трудом родным, со страхом шептали в тёмных углах, только не крестясь, что-то неразборчивое, вроде: стат суа квивэ диэс² – и молили, чтоб пронесло мимо. Крути головой, успевай собственную спрятать!

Для пущей популярности Первый повыгонял из здания обкома дежурных милиционеров. Вместо них у входных дверей кабинетов появились помощники, спрашивая: кто, куда, к кому, зачем. Люд всех мастей повалил к Белому дому за правдой-матушкой. Бесовские силы тут же завладели ситуацией, вооружившись именем Первого как девизом, открывавшим все двери. В моду вошли многочасовые приёмы-судилища, где перед «искателями справедливости» держали ответ мундироносцы разных служебных систем. Возле Белого дома разномастная братва устраивала катавасию и самостийные брёхи. До рассвета наряды милиции гоняли пьяниц, бродяг, шизиков и прочую шелупонь криминального пошиба. А с белым светом подгребали полумные старики и старушки с плакатами на грудях и спинах от «Изыди, сатана», до «Взвейся, пламя». Ближе к полудню их теснили «деловые» при мятых штанах и ковбойках, с несвежими яркими галстуками до половины брюха, с дерматиновыми тощими портфелями и подсолнечной шелухой, пулемётной очередью сыпавшейся с губ. Все орали. Каждый про своё, родное. Милиция на свет не вылезала, размазываясь по стенам или вовсе прячась в подворотне.

Такая же баламутная канитель теперь наблюдалась и внутри здания, хотя бардака и шума было поменьше: приметные крепкие парни в одинаковых костюмах укорачивали блудливых. Но дым и гвалт висли под потолком.

На подходе к кабинету Шундучкова люд стыл бетоном, похоже, очередь занималась с ночи. Мундир старшего советника юстиции слабо помогал Ковшову продвигаться вперёд. Словно ангел с небес, рядом появился подполковник Соломин.

– А я тебя разыскиваю. – Пугая толпившихся зелёным мундиром и золотыми звёздочками на погонах, он успешнее стал прокладывать путь вперёд. – Приехал в аппарат секретной информацией поделиться, а Ирина отправила сюда. Думаю, не помешает и мне поучаствовать в очередном нестандартном мероприятии.

– В чём секрет?

– Бандочка своеобразная объявилась в стране. Некая интеллигентная компания. Работает в высших эшелонах власти, владея обширной информацией о наших экономических прорехах. Не исключено – заявится и к нам.

– Бумаги при тебе?

² Stat sua cuique dies (*лат.*) – каждому назначен его день.

- Пакет опечатан. Решил сегодня за спецсвязь поработать.
- У Геннадия вскрою. Там и обсудим.
- Не возражаю, только без него.
- Надеюсь, выделит уголок без глаз и ушей.
- Тебе ли не знать про его комнату отдыха!
- Ею как раз пользоваться и не надо...
- Пустим воду в ванне, как настоящие шпики.
- Издеваешься?

Зычный бас Шундучкова прервал их пикировку.

– Граждане! Россияне! – кричал Геннадий, размахивая рукой и сдерживая людской напор у своего кабинета. – Пропустите прокурора. Его участие в заседании бюро обязательно! Надеюсь, сорвать бюро желающих нет?..

Это возымело действие. Дальнейшее продвижение осуществлялось веселей, почти без тычков и нажима. Внезапно Соломин замер, зловеще ухмыльнувшись, словно охотник, выследивший неуловимую дичь.

– Ба! Кого я вижу! Удивляйтесь со мной, Данила Павлович, перед нами Фугас! Собственной персоной! Его наши следователи не поймают для допроса, а он здесь окопался. Ну, я его направлю на путь истинный. Наряд милиции нельзя вызвать? – обратился подполковник к Шундучкову.

– Чтобы скандал устроить? – взмолился тот. – Через десять минут заседание, а ты арестовывать граждан, явившихся участвовать в серьёзном мероприятии, задумал? Знаешь, чем это пахнет?

– Прошу без политических ярлыков, – огрызнулся Соломин. – Фугас – уголовный преступник.

– Судим?

– Нет, – растерялся подполковник.

– Тогда ничто не должно мешать излить ему волю на заседании.

– Глумиться изволите, Геннадий Петрович? – Лицо Соломина побагровело от ярости. – Чью волю изольёт этот прощельга и авантюрист?! – И подполковник решительно двинулся к зеркалу в углу зала, где укрывалась колоритная фигурка щуплого мужичка в потрёпанной кожанке и картузе такого же качества. Кумачовая навывпуск рубашка, поясной ремешок и невесть с какой свалки кирзачи делали бы из него шута, если бы не огромных размеров портфель в руках. Длинного носа и печальных глаз он не подымал на Соломина, хотя давно заметил внимание к собственной персоне. Покорившись случаю, он не двигался.

– Фугасов Модест Иерархович у нас глава известного общественного фонда, – попытался остановить подполковника Шундучков. – Активно сотрудничает с кооператорами, поддерживает связь с епархией, спонсирует культуру и народные промыслы...

– За этим Фугасом, – ткнул пальцем в прижухавшегося мужичка подполковник, – несколько крупных финансовых афер! Наши люди и оперативники генерала Сербицкого гонятся за ним с полгода, а он вот где гнёздышко свил! Ни клят, ни мят, ни дождичка, ни мух.

– Выбирайте выражения, товарищ Соломин! – перегородил дорогу офицеру завотделом. – Вы компрометируете обкома партии!

– Этот аферист вас компрометирует!

– Мы его здесь не скрываем. И знать не знаем о его проделках. Обвинение Фугасову предъявлено? Санкция на его арест имеется?

Страсти накалялись.

– Нет никаких санкций! – будто ожив, бодро выскочил из угла бедолага, защищаясь на всякий случай портфелем. – И никто меня повестками не вызывал! Ни один следователь, ни один прокурор! Вот товарищ Ковшов, которого я хорошо знаю, может подтвердить. Он в про-

куратуре курирует следствие и никаких санкций на меня не давал. Мы – люди законопослушные, достаточно мне телефонировать, и я у ваших ног, знаем, что такое вызов в облпрокуратуру!..

Остановить Фугасова было невозможно, у Соломина отвисла челюсть от его брехологии и нахальства, молчал и Ковшов, так как действительно к нему за санкцией на арест не обращались.

– А бумаги отчётные и финансовые документы о деятельности фонда всегда при мне, – не унимался Фугасов, – потому что я никому их не доверяю. – Он тряхнул тощим портфелем над головой, как знаменем на баррикадах.

Эффект имел успех лишь у Шундучкова, однако народ продвинулся к Фугасову.

– Что скажешь, Данила Павлович? – ткнулся в плечо Ковшова Соломин. – Материалов на арест этого подлеца при мне нет. Знать бы, соломку подстелил...

– На нет и суда нет, – буркнул тот.

– Хоть сейчас проверяйте, товарищ прокурор! – нагнетая истерию, щёлкнул замком портфеля Фугасов, но сунулся не к Ковшову, а к Шундучкову.

– Я не правомочен, – замахал тот руками и спрятался за спину Ковшова.

– Хорошо. – Данила обвёл собравшуюся вокруг толпу успокаивающим взглядом. – Будем считать, что временно конфликт исчерпан, но вам, гражданин Фугасов, я предлагаю сегодня же после заседания бюро, если вы приглашены, явиться в следственный отдел управления КГБ. Считайте, что повестку вам вручил при мне подполковник Соломин. Неявка может повлечь привод, а возможно, и ваше задержание.

Фугасов разом изменил выражение лица и даже попытался благодарственно пожать руку Ковшову, но замер, поймав злой взгляд Соломина.

– Я всегда верил в справедливость и милосердие наших законов... – пролепетал он, прячась за спины.

* * *

– Ты до конца бюро его не трожь, – дёрнулся Шундучков к подполковнику, когда они зашли втроём в кабинет завотделом и Соломин принялся звонить на службу.

– Удерёт, сволочь, ещё до конца заседания!

– Своим ребятам команду дам, они его постерегут.

– Обижаясь, – хмыкнул тот. – Это ж все наши отставники. Тяжелы они бегать за таким хмырём.

– Серое вещество сохранили, – внушительно постучал по собственной голове завотделом. – Вот их преимущество!

– Тогда как же ты с их серым веществом явного аферюгу проморгал? – вмешался Ковшов.

– Знаешь, Данила, – Шундучков почесал затылок, – этот Фугасов действительно уже несколько дней отирается в приёмной Ивана. Ты думаешь, я его не засёк? Глаз с него не спускаю. Прорывается с ахрененной просьбой к Первому. Дурак, не дурак? Просит помочь получить кредит в банке на свой фонд. Такие баксы заломил!

– Ну и что? – наострил уши Соломин, придвинувшись и бросив трубку.

– Да ничего. Не принимает его Иван.

– Так гони его в шею!

– Как же гнать... Первый форму блюдёт. Команду дал финансовому богу бумаги Фугасова проверить: обоснование, гарантии, прогноз, другие фигли-мигли... Ну, вы знаете, а я не силен в арифметике.

– Аферист он, – поморщился Соломин. – И бумаги липовые. Мои проверку завершают, сидеть ему с червонец. А если пламя разжечь поярче, искры пиджаки многим солидным чиновникам подпалят.

– Да чую я! Что ты мне мораль читаешь, Вадим? – стушевался Шундучков. – Сам было сунулся к Первому, а меня тормознул тут один... Влиятельное лицо.

– Ваш финансовый бог?

– Если бы! Выше бери. Московский покровитель.

– Ну наши руки тоже не коротки! – взорвался Соломин. – Надо будет – дотянемся и до столицы.

Однако завождем уже помрачнел, ему явно не хотелось откровенничать с обоими. Проверив, плотно ли прикрыта дверь кабинета, он невнятно спросил у Ковшова:

– Сегодня закроешь Фугасова?

– Представит убедительные материалы коллега, – кивнул Данила на Соломина, – будем думать.

– Представлю, не сомневайся, – сжал губы подполковник.

– Вот, видишь? – Данила попытался понять, что тревожит Шундучкова, и не находил ясности в его бегающих глазах. – А ты радуйся, Геннадий, прекратит аферист маячить в приёмной и отрывать твоего шефа от важных государственных начинаний.

Неоареопаг³

Новое, вероятно, готовилось к концу, а пока тривиально приоткрылся занавес и с такой же тривиальной трибуны Первый, открывший заседание, обстоятельно представил залу членов бюро, приглашённых гостей и ветеранов. Далее он пожелал всем творческой работы, объявил, что впервые, учитывая пожелания трудящихся, заседание состоится открытым и без заранее заготовленных штампов, по обсуждаемым вопросам может, не записываясь, выступить каждый. Электорат заметно оживился, а Ковшов даже принялся настраивать свой портативный магнитофон, смутив рядом сидящего Шундучкова, тут же накинувшего свою лапу на аппарат:

– Спрячь!

– Ты чего испугался, открытое же заседание? Вдруг что дельное прозвучит.

– Спрячь от греха подальше! – просопел тот, отводя глаза.

– Не понял, – попытался возразить Данила и сымпровизировал: – Иван по примеру Бориса обожает голос народа пуще волейбола и свердловского мёда.

– Кончай бузить!

Сказанное было принято к сведению, и всё заладилось до поры до времени.

Первый опрокинул в аудиторию несколько модных тезисов о том, что сначала надо начать, потом ускорить и, наконец, перестраивать, и, завершая, объявил:

– Поговорим запросто на тему о том, как мы живём...

Станиславский одобрил бы паузу, выдержанную далее, и Первый многозначительно завершил:

– И что надо делать, чтобы жить лучше.

Первые ряды, занимаемые секретарями «первичек», хозяйственниками и ветеранами партии, бодро захлопали, но в задних рядах кто-то из предпринимателей лихо засвистел, прячась за спину соседа, однако тут же, заглушая всех, грянул бравурный марш, и лишь он смолк, не давая опомниться, Первый, не думая покидать трибуны, совершенно случайно, как он выразился, вспомнил, что утром он и члены бюро прогулялись по берегу красавицы Волги, заглянув на ведущие судоремонтные и судостроительные гиганты, рыбзаводы и рыбохозяйственные базы. Вернее, тут же поправился он, туда, что от них осталось. И не поверил собственным

³ Неоареопаг (автор.) – от нео (греч.) – новый и ареопаг (греч.) – собрание авторитетных лиц для решения важных социальных и других общественных проблем.

глазам – пароксизм системы! Удар ножом в сердце областной экономики! Застой и разруха вместо перестройки!

Для электората это не было новостью, но первые ряды послушно и возмущённо застучали штиблетами по полу, требуя наказать виновных, отчаянная голова в задних рядах тут же отыгралась свистом. Пользуясь суматохой, на сцену взобрались две натренированные старушки, наперебой затараторившие об ужасах затопления уникального природного санатория сбросами химического монстра.

– И это ещё не всё, что нам досталось в наследство! – авторитетно заверил зал Первый, и он не ошибся, сцену прочно заняла новая личность.

Чудак так ужасно выглядел, что на него взирали, как на туземца с Панамы. Тощ. С впалыми глазами и щеками, наполовину беззуб и, похоже, давно ничего не держал во рту. Со зловещей медлительностью он вытащил из-за пазухи ссохшуюся и местами зеленоватую буханку хлеба и, размахивая ею над головой, дико взвизгнул:

– Вот чем кормят российский народ!

Зал ахнул.

Незнакомец же подбежал к трибуне и шарахнул по ней буханкой так, что та разлетелась на куски, а оратор, видимо, запамятававший сценарий, пригнув голову, едва успел спрятаться.

– Шундучков! – заорал он, шаря по залу в поисках завотделом, но это оказалось лишним: трое молодцов в тёмных костюмах уже волокли упирающегося полоумного со сцены.

– Хлеб! – буйствовал тот в их руках. – Теперь он сродни чугуну! Вот что жрёт трудовой класс! Позор!

Вскочивший с места Шундучков, растолкав повскакавших с мест зевак, мигом вырос перед Первым.

– Какого чёрта?! – не сдерживаясь, выругался тот, отталкивая завотделом, пытавшегося привести в порядок запачканный пиджак начальника. – Это безобразие!.. Кто допустил?.. Гоните скотину вон!..

На сцену вбежал Сербицкий, и генеральский мундир враз покончил с сумятицей, а Первый взгромоздился на прежнее место.

– Я оскорблён!.. – начал он мертвенным тоном, когда зал стих. – Я оскорблён не меньше вашего. Кормить народ такими отбросами – это тягчайшее преступление.

По мере продолжения голос его креп и мужал, становясь с каждым словом свинцовее:

– Кто мог такое позволить в наше время? Прокурор!..

Пролети муха, её бы услышал каждый – так замер зал.

– Присутствует прокурор на заседании? – Крик Первого сорвался на фальцет.

Шундучков подтолкнул Ковшова. Данила поднялся.

– Ковшов, – представился он, – исполняющий обязанности прокурора области по случаю нахождения Галицкого в командировке.

– Так, так... – задумался Первый ненадолго и обратился к электорату: – За такой хлеб следует отвечать?

– В тюрьму! – Мощный гул голосов ударил в потолок и стены.

– Слышал глас народа, товарищ Ковшов?

– По всем прозвучавшим здесь фактам нарушения законности будут проведены проверки, товарищ первый секретарь, и виновные привлечены к ответственности. – Понимая, что для него всё только начинается, Данила продолжал стоять.

– Не хотелось бы сомневаться. – Первый поедал злобным взглядом Ковшова. – Однако на деле прокуратура потворствует бракоделам и безобразным фактам бесхозяйственности, в чём мы убедились с членами бюро сегодня!

За его спиной на экране тут же застрекотал ролик с выразительными картинками искорёженных барж и мелких судёнышек, ржавеющих на берегу Волги.

«Это же материалы недавней нашей проверки! – сразу узнал Данила. – Начальник экологической инспекции взялся их доработать, установить владельцев заброшенных посуды и вернуть вместе с фотоснимками для прокурорского реагирования!..» Вихрь мыслей пронёсся в его сознании: «Без Шундучкова здесь не обошлось! Несомненно, он воспользовался ими, выманив под предлогом у Нефёдова, и использовал в этой коварной комедии. Конечно, постарался устроить всё именно в отсутствие прокурора области. Но это же откровенная подлость!.. То-то он метил на вакантное место вместо Галицкого, когда решался вопрос о должности... А вкусив горечь неудачи, обозлился и ринулся всеми правдами и неправдами в обком – в заведующие именно административного отдела. Ведь партия требовала, чтобы все ей кланялись, а этот отдел курирует всю правоохранительную систему в области, следовательно, одним махом Шундучков становился на голову выше прокурора...» Выходит, зря Данила не верил слухам, что бывший транспортный прокурор, надавив на начальника аэропорта, который полностью был в его лапах, в пустом самолёте лично привёз Первого из столицы, доставив его в обком...

У Ковшова побелело лицо и свело скулы от ярости: «В клозет, наверное, за ручку водил, чтобы не качнуло, чай на блюдечке подавал, стервец, размазывал нас всех директору сегодняшнего цирка!..»

Данила заскрежетал зубами.

– И никто не несёт ответственности? – вернул его к происходящему голос Первого. – С себя надо начинать, товарищ Ковшов. Начальник милиции мне жаловался: прокуроры перестали арестовывать явных взяточников и жульё! А ведь нам как раз сейчас нужны громкие дела на зажиревших казнокрадов. Одного, другого за решётку лет на пятнадцать, и у других, глядишь, пропадёт интерес к дыркам в государственном кармане. Есть такие факты, генерал?

Сербицкий подскочил из-за длинного стола, где восседали члены бюро, лихо боднул воздух головой:

– Есть, товарищ первый секретарь! Как раз над рядом таких дел работают мои ребятки.

– Тогда не будем терять времени, – оглядел притихший зал Первый. – Заместитель, он и есть заместитель. Переговорю-ка я по этому вопросу с прокурором области. У кого он на приёме, говорите?

– У Рекункова Александра Михайловича либо у его первого заместителя Баженова. – Краем глаза Данила только теперь заметил, что Шундучков, сидевший рядом, пропал, слева его крепко подпирал коленом полковник Квашнин да за спиной покашливал время от времени подполковник Соломин.

– Если вас не затруднит, помогите мне по телефону найти ваше начальство, – подчёркнуто вежливо съязвил Первый. – Только без этих... проволочек... А мы продолжим заседание, товарищи.

Данила развернулся к дверям. Для него заседание бюро закончилось, поэтому он совершенно безразлично отнёсся к тому, что, опережая его, по другому проходу зала торопливо спешит к выходу и генерал милиции.

Операция «Снежный ком»

– Наум! Наум! Проснись же, наконец! О мой Бог! – стаскивала простыню с храпящего мужа Софья Семёновна Лировис. – К нам воры, Наум!

– Какие воры? – продрал глаза толстяк. – Что ты вздумала, Сонечка? И когда меня осчастливит Господь...

– Я встала раньше всех...

– Ну и что?

– Уснула позже...

– Зачем?

– Куда опять ты прячешь голову? О, моё наказание! Я устала кричать тебе про воров!

– Где?

– Пойдём сюда!

– Сплошное наваждение! Что тебе опять приснилось, Соня? Я уже не имею права спокойно спать в собственной квартире?!

– Иди сюда!

– Чтобы меня тоже порадовали твои галлюцинации?

– Пусть они радуют наших соседей! Этот человек всю жизнь мне не верит! Боже мой!

Наум Раумович с большой головой, обмотанной полотенцем, пошатывался посреди зала в полном отчаянии:

– Десятый час утра!.. Кто встаёт в такую рань?

Усилиями двух проснувшихся дочерей и натренированными подзатыльниками жены Наум был наконец доставлен к окну на балконе.

– И что вы мне можете показать? – ткнул он в стекло.

– Разуи зенки, балбес!

Квартира начальника главка сельского строительства располагалась на двух этажах: гордостью хозяина, воздвигавшего дом, была комната на верхнем, пятом этаже. Наум лично планировал свои апартаменты, жена и дочери занимали нижнюю площадку. Он любил засыпать, блаженствуя в одиночестве и не слыша хлопот и криков беспокойного женского окружения. Любил просыпаться от первых солнечных лучей восходящего солнца и пения птиц. Эту страсть не могло одолеть даже его фанатичное увлечение картами.

– Куда глядеть, дорогая? – блаженно потянулся Наум в сладкой полудрёме.

– Куда? – подхватили дочери, облепив родителей и подоконник.

– Видишь форточку нашего чердака? – зашептала на ухо Софья Семёновна, придавив его пышной грудью.

– Ну? – с трудом пискнул Наум.

– А что из неё торчит?

– Сонечка, ты загадываешь нелепые кроссворды.

– Там голуби, мамочка! – хором взвизгнули дочери.

– Не только. Что бы вы без меня делали? Очнись, Наум!

Под твёрдой её рукой нос Наума влип в стекло, и он действительно прозрел:

– Есть, Сонечка, есть! Только пожалей меня, ради бога, отпусти затылок.

В чердаке мельтешили две или три мужские фуражки, фетровая шляпа и что-то зелёное или синее, будто женский берет.

– Это Трофим, – уразумел Наум. – Трофим Закваскин, наш управдом и дворник. Я давно заставлял его заниматься ремонтом крыши, вот он и сколотил с утра бригаду. Ты сама, Сонечка, продырявила ему уши нашим каминным дымоходом.

– Если б не я, уважаемый управляющий главком, наше семейство задохлось бы от проклятой трубы!

Она оставила в покое мужа и, прикинув к стеклу, замахала руками:

– Трофим Григорьевич! Трофим Григорьевич! Что это вы там вытворяете?

Однако крики её имели обратное действие: фуражки, шляпа и берет мигом исчезли.

– Вот те раз! Оглохли они, что ли? – разочарованно опустила руки Софья Семёновна, а успокоившийся Наум Раумович поплёлся к остывающей постели: затянувшиеся допоздна вчерашние сражения в покер, сдобренные изрядными порциями коньяка, продолжали притягивать перегруженный его организм к подушке.

Между тем спокойствие не успело воцариться в покоях потревоженного семейства: двери четвёртого этажа вдруг затряслись от грохота, как если бы в них забарабанили враз несколькими сапогами, и следом нагло затрезвонил звонок.

– Час от часу не легче! – бросилась к дверям Софья Семёновна. – Нет, этот Трофим потерял всякий стыд... Делать ему нечего, как людей булгачить по утрам!

Она принялась отмыкать многочисленные замки с цепочками и раскрыла было рот, чтобы встретить управдома соответствующим образом, но обмерла, застыв. За порогом вытянулся милиционер в сапогах и при синей фуражке, за спиной которого толпился управдом со всей остальной компанией.

– Майор Грохота! – рявкнул милиционер. – Квартира Наума Раумовича Лировиса?

Всем своим грузным телом Софья Семёновна в беспамятстве сползла на паркет.

– Все члены семьи дома? – перешагнул через её ноги Грохота.

Наум Раумович ткнулся головой в одеяло и стал зарываться в него, как страус в песок.

– У вас будет произведён обыск, – бесцеремонно расхаживал по квартире майор, будто ничего особого не случилось. – Вот постановление, – продемонстрировал он бумагу выскочившим из своей комнаты девочкам. – Предупреждаю: если имеются запрещённые в обращении предметы, вещества, оружие, а также золото, драгоценности и деньги, предлагаю предъявить добровольно и незамедлительно. Всё будет запротоколировано.

Девочки схватились за серёжки в ушах.

– Снимать? – с дрожью спросила старшая.

Майор скользнул по обеим невидящим взглядом:

– Товарищ Закваскин!

– Я здесь, товарищ Грохота.

– Приступим. Приглашайте понятых.

Толпа за спиной управдома шевельнулась и, с любопытством озираясь, ввалилась на порог.

– Не все, – остерёг Грохота. – Хватит двоих.

* * *

– Водянкин! Алло! Водянкин! Чёрт тебя подери!

– Слушаю вас, товарищ подполковник!

– Чем слушаешь? Час тебе ору! Жив?

– Так точно, жив.

– А почему молчал?

– Отлучался, товарищ подполковник. Виноват...

– Дежурного могут остановить лишь две преграды.

– Не могу знать.

– Первая – только пуля. Вторая?

– Баба, товарищ подполковник!

- Дурак! Сломанный телефон. Пошуткуй у меня!
- Не до шуток, товарищ подполковник.
- Что так?
- Отлучался по случаю поиска медикаментов, но пришлось скорую помощь вызывать.
- Кому?
- Девчонкам плохо стало. Полегли дочки этого Лировиса, а жена вовсе грохнулась и Богу душу чуть не отдала.
- Чего вы там творите? Где Грохота?
- Исполняет свой долг. Паркет вскрывает уже в третьей комнате.
- Результаты?
- Пусто.
- Сербийский головы со всех сорвёт, если ничего не обнаружите. Звонил уже дважды из обкома.
- Похвастать можем семейным серебром – ложки, ножи да вилки старинной работы. Ещё бабкина бижутерия с камешками, оставленная внучкам.
- А баба? Как её?
- Жена?
- Ну да. Она же, говорили, без золота не обходится.
- Всё, что на ней – снял Грохота, а в трюмо – ерунда. Да что там!.. На наших у некоторых больше...
- Поговори у меня! Управляющий главком!.. Квартиру-то на какие шиши обстраивал?
- Жена твердит, что квартиру ещё при Боронине от государства получили.
- Оформили, а не получили, тупица!
- Точно так, товарищ подполковник. Только у них на всё документы имеются. Грохота азарт утратил, икру мечет...
- А кто генералу подсунул кандидатуру этого еврея на раскрутку?
- Куда?
- На разработку, балбес! Генерал уже и Первому доложил, и операции ход дал. Ты думаешь, «Снежный ком» – это чья инициатива?
- Грохоте материалы из ОБХСС представили на выбор. Он для начала остановился на этом главке.
- Для начала? Вот я для начала со всех вас три шкуры сдеру, если ничего не найдёте.
- Работаем, товарищ подполковник.

* * *

Подполковник Чуйков метил в начальники штаба управления и лелеял мечту о повышении в должности. Надежды, не успев осуществиться, рушились на глазах, поэтому он уже не просто волновался – его била лёгкая дрожь. Не помешал бы стакан водки, но каждую минуту на телефоне мог объявиться генерал. Разыскав по связи начальника управления ОБХСС, Чуйков вцепился в него:

- Петрович, ты мне докладывал при планировании операции, что у вас ещё в запасе кореец какой-то был. Ты представлял его центральным фигурантом... Что там он заявил о взятках?
- Нет корейца.
- Как нет? Грохота же планировал его на обыск к Лировису взять?
- Не явился.
- Так вы его не арестовали, раздолбаи?!
- Товарищ подполковник!..

- Чую, кондрашка меня достанет, если добром ваша затея не кончится.
- Наша затея?
- А кто генералу дифирамбы пел?
- Это были оперативные соображения.
- Ах, соображения, товарищ Овечкин!..
- Обычные, рабочие наработки... нуждающиеся в оттачивании...
- Вот, значит, как... А когда на закрытом совещании Сербицкий официально обозначил операцию «Снежным комом», что же вы об этом молчали?
- А вы, товарищ подполковник?
- Чуйков бросил трубку.

* * *

- Сидеть или метаться по кабинету без толку. Он снова набрал капитана Водянкина:
- Обрадуешь чем-нибудь?
 - К сожалению...
 - Где майор Маскитин? Он же работал с тем корейцем?
 - Выехал в район на поиски.
 - На связь не выходил?
 - Рано.
 - Ну, держитесь, бараньи головы! – заскрежетал Чуйков зубами. – Шуму будет! Лировис – большой человек в области. Смотрите, в сводку это не ляпните!
 - Грохоту пригласить к аппарату?
 - Грохота меня больше не интересует. Ему другую работу искать придётся. Ты мне про Наума лучше расскажи.
 - Спит. Порывался звонить в Москву своему начальству, потом выпил весь коньяк и спит мертвецким сном.

Чёрная женщина в чёрной вуали

– Элеонора Емельяновна, – выйдя из зала в приёмную Первого, Ковшов нервно заходил из угла в угол, – наберите Генерального прокурора!

– Спросить Галицкого? – понимающе стрельнула глазами секретарша. – Я поищу его через приёмную.

– Конечно, – хмуро уставился в пол Данила.

– Что за пожар? Бюро вроде в самом разгаре...

– В разгаре. Пожар и есть.

– С огнём сражаются бойцы, а раны им лечат верные женщины, – нежный голосок донёлся из открытой двери кабинета помощника Первого.

– Кто там? – вскинулся Ковшов на секретаршу. – Сменили Бориса Петровича? Ну дела...

Элеонора укоризненно покачала головой и, интригуя, покосилась на дверь:

– Гостя у нас, товарищ прокурор, а вы не знаете.

– Кто?

– Заходите, старший советник юстиции, я не кусаюсь. – Приятный голосок остужал его взъерошенную душу. – Весь в дыму, огне, кровотокающих ранах... И конечно, незаслуженных.

Над ним откровенно глумились. Ирония капала с каждого слова. Данила перешагнул порог кабинета:

– С чего вы взяли? Видите сквозь стены?..

И онемел.

В обтягивающем брючном костюме из тонкой кожи на диване отдыхала с закинутыми за голову руками молодая брюнетка. Впечатляюще длинные ноги завершали изящные туфельки с золотящимися подковками на каблуках. Туфельки беспечно раскачивались, готовые вот-вот слететь на пол. Сказать, что она была красива, – не сказать ничего, вот только портили общее впечатление её пронзительные, глубоко посаженные вороные глаза. Несколько секунд они сверлили Данилу, будто пронизывая насквозь, затем их блеск угас и с поражающей стремительностью гибкое тело женщины вскинулось с дивана. Высокая, с заброшенными назад распущенными длинными волосами, подчёркивающими её грациозность, незнакомка производила впечатление дикого хищного зверя.

«Чёрная пантера! – восхитился про себя Ковшов. – Прямо киплинговская Багира!»

Скользнув лёгким шагом навстречу ему, она протянула правую руку, а левой не спеша принялась застёгивать пуговицу на чрезмерно открытом лифе парчовой кофточки под распахнувшейся курточкой. Встретившись, их глаза одновременно опустились на эту шаловливую пуговицу, нахально выскользнувшую из-под пальцев, ещё более обнажив белый снег пышных окружностей.

– Ника! – не теряясь и бросив морочу с застёжкой, дерзко шепнула «Багира» и, кажется, мурлыкнула жадно и аппетитно.

– Старший советник юстиции Ковшов Данила Павлович, – смутился Данила, но выдержал её взгляд, не выпуская руки с жёлтым браслетом на запястье; он чувствовал, как наливаются краской его щёки, но ничего не мог с собой поделать, только сильнее сжимая её пальцы в своих, но и она отвечала ему тем же.

Будто опомнившись, она, наконец, издала лёгкий стон, высвободила руку и слегка потрясла ею в воздухе, будто остужая, улыбнулась:

– Пожалели бы гостью...

– Простите.

– Бюро, надеюсь, заканчивается? – Ника непринуждённо, словно они давно знакомы, взяла его под локоть и подвела к окну, подальше от открытой двери.

Данила ещё не пришёл в себя, чтобы отвечать.

– Что-то не заладилось?

– Никак нет, – вернулся он на землю, – в обычном порядке. Так, мелкие критические замечания.

– Нужна помощь?

– Помощь? Что вы! Спасибо.

Они вместе вышли в приёмную.

– Есть успехи? – Ковшов окликнул секретаршу, копошившуюся с телефоном.

– Галицкий командирован из Москвы с проверкой в дальний регион, Данила Павлович, – покачала та головой. – Эту информацию мне выдали из приёмной заместителя вашего генерального – товарища Баженова. Кроме того, что командировка на Дальний Восток и займёт не менее недели, ничего выяснить не удалось.

– Вот так... – задумался озадаченный Ковшов.

– Данила Павлович, – прикоснулась к его локтю Ника, – мы сегодня с Хоббию большое дело для Ивана Даниловича сделали. Может, и вас заинтересует. Хотите покажу?

– Хоббию? Похоже, иностранец?

– Пустое. Это журналисты придумали ему имечко. Хоботов Никита – несолидно для кремлёвского фотографа, а Хобот – совсем мрак!

– А вы, извиняюсь?.. Ведь «Ника» с греческого – победа?

– Не сомневайтесь. Я – та, кем именуюсь! – расхохоталась женщина и потащила Ковшова за собой назад в кабинет, где на столе поблёскивал не замеченный ранее Данилой блок цветных фотографий. – Хоббию не разрешил бы, но мы нарушим его тайну. – Она прижалась к Ковшову плечиком и лукаво усмехнулась: – Не признаемся, что просмотрим фотки?

– Молчок, – приняв игру, прижал палец к губам Данила.

– Вы сговорчивый. Это мило. – Она распахнула блок и усыпала фотками стол. – Ответьте, мой дружок, не лукавя, какое фото больше всего удалось?

– Ника, но я же не профессионал! – Её непосредственность подкупала, а очарование притягивало, но Данила пытался сдерживать эмоции.

– Нет уж! Раз взялись – до конца. Я так не люблю, – закапризничала она, но тут же исправилась: – Хорошо. Выберите ту, что понравилась вам.

Фотографий было много. Ковшов торопливо перебирал, особо не задерживаясь на каждой. Мелькали виды Волги, исторические достопримечательности, теплоходы, помидорные поля, базары, горы арбузов, попадались даже узкоглазые рубщики мяса с занесёнными над головами топорами... Но он заметил одну, где автор мастерски запечатлел необычную, но многозначительную ситуацию: на шатком мосточке из дряхлых дощечек, сжавшись от страха и раскорячив ноги, чтобы не грохнуться, делал неуверенный шаг Иван Дьякушев. При белой ленинградке, галстук, чёрных брючках, часиках и модных очочках. На лице – страстное желание не свалиться, перейти мостик; под ним – мутный от грязи поток, а за ним – второй секретарь с широкой грудью в белом костюме, распахнув руки, едва удерживает равновесие, далее – неровной лентой целая цепочка прочих секретарей и заведующих отделами, стайка советников и помощников. На заднем фоне, на берегу, – столетняя, покосившаяся, готовая рухнуть изба, рухлядь, бочки из-под рыбы пудовые, разошедшиеся в лебеде да крапиве. Словом, хлам, мусор, прошлое.

Впереди – неизвестность, сзади – разруха, а ниже – пропасть! И грязная купель в случае провала.

Завершающей гениальную фотографию надписи не имелось, хотя она просилась на ум сразу, и Ника, кажется, уже её сочинила, но, помалкивая, ждала его ответа.

– Ну? – подтолкнула она его. – Как бы вы назвали сие чудо?

– Название не требуется, – покачал головой Ковшов. – Хобби, как вы его именуєте, если доброжелатель, пожелал бы Первому держать твёрже шаг. Думаю, так назовёте и вы свою статью под этим фото. Я не ошибся?

– Глазастые вы, однако, прокуроры.

– Кормил вас Глазьев рыбацкой ущицей с водочкой, признайтесь? – хмыкнул Данила.

– От вас, прокуроров, ничего не утаить, – рассмеялась она. – Иван нас рано поднял и гонял по речке, как угорелый. Знал, что материал для центрального столичного журнала. – Она многозначительно задрала пальчик вверх. – Но я взмолилась, потому что едва не спалилась на вашем солнце; даже шляпка с вуалью не выручала.

Шаля, Ника схватила чёрную шляпку с подоконника, натянула её до лукавых глаз, опустив вуаль, и грациозно продефилировала перед Данилой.

– Как?

– Неплохо.

– Иван не поспешил на оценку, а ты скупердяйничаешь, – изобразила она обиду, переходя на «ты».

– Но под шляпкой и этой вуалью вас не узнать, – сделал вид, что не заметил этой вольности, Ковшов. – А вы с Дьякушевым давно знакомы?

– Давно. Ещё по Краснодару, где я репортаж делала в «Комсомолку».

– Понятно.

– Вот я и продолжаю: на то мы и журналисты... Вроде разведчиков. Знаешь, какие порой жалобы на нас запускают недовольные?

– Главное, чтоб не били, – пошутил он.

– Всяко бывало в молодости. Хоббию отговорку придумал по такому поводу.

– Интересно...

– Все вопросы в письменном виде. Как?

– Разумно.

– Главное – многообещающе.

– И действует?

– Как дихлофос на мух.

– Занятный этот ваш Хоббию...

– Понравился?

– Умный.

– Ну ты и выдал! – рассмеялась она. – Хоббию – не дурак, только вот не влип бы он с этой фоткой, если на обложку её разместит.

– Что-то не так?

– Вспомни картину древнего мудреца Брейгеля.

– Если слепой ведёт слепых, в итоге все окажутся в яме?

– Помнишь... Редкое сочетание должности и ума.

– Спасибо за комплимент.

– Заходи, когда будешь в столице, – просто сказала она и взяла его за руку. – Позвони сначала в редакцию, если не в командировке, буду рада видеть.

– Не обманете?

– Да что ты всё «вы» да «вы». Я плохо выгляжу или стара?

Ковшов, улыбнувшись, покачал головой.

– Женат, конечно?

Он снова, но уже утвердительно качнулся.

– Как партизан на допросе, а я ведь не претендую на тебя. Мы, журналисты, рады знакомству с хорошими людьми. Друзья! И дальше ни-ни.

Ника, улыбаясь, погрозила пальчиком.

– Ладно, зайду, если буду в столице. – Он попытался заглянуть в её глаза, но Ника отпустила его руку и плавно выскользнула из кабинета.

– Она быстренькая, – похвалила Элеонора, входя в кабинет вместе с Соломиным. – Вот вам прокурор, которого вы жаждете видеть.

– Что-то случилось? Бюро закончилось?

– Нет, – хмуро буркнул подполковник. – Необходимо прокатиться в одно место. Тут недалеко. Машина поджидает.

Заказ или ординарность?

Это было телом мужчины и при ближайшем рассмотрении, несомненно, принадлежало Модесту Иерарховичу Фугасову, такой одежды в городе больше не носил никто.

Он лежал на спине. Дерматиновый френчик с вывернутыми карманами, от воротничка до хлястика и далее в грязи. В двух шагах от головы измазюканный картузик. Кумачовая рубашонка разодрана до пупа, ранее подпоясавший штаны ремешок до синевы стягивал шею. В ногах истерзанный портфельчик, бумажки кучковались на груди. На верхнем листе – мокрая купюра достоинством в сто рублей и тут же печатными буквами, вырезанными из газеты: «ПОДАВИСЬ МРАЗЬ». Буквы примочили для верности водой с грязью пополам из озера, что поблизости.

Но смутило и Ковшова, и Соломина другое: оба глаза Фугасова были прострелены, и кровь из одного, аккуратненько обогнув длиннющий и засиневший уже нос, затекла в другое пустое око, образовав в нём небольшую стылую лужицу, в которой отражался рожок луны, выбежавшей поглазеть на мирские безобразия.

– Здесь ещё одна дырка! – поднял голову от трупа полковник Квашнин, прибывший на место происшествия с оперативной группой раньше.

Рядом стоявший следователь по особо важным делам Бобров ткнул карандашом в грудь покойника и поковырял рану:

– Прямо в сердце... похоже, даже навывлет. Убийца его почти что перекрестил: две пули – по каждой на глаз – и в грудь одну.

– Не маньяк ли? – подхватил присоединившийся к подъехавшим оперативник.

– Рано обобщаешь, лейтенант Шипучкин! – одёрнул его Квашнин. – Делом бы занимался. Кстати, побеспокойся насчёт медэкспертов, что-то они задерживаются.

– Полчаса баклуши бьём, товарищ полковник, – буркнул тот. – Сроду с медиками проблема.

– Гильз не нашли?

– Никак нет. Днём при свете пошукаем тщательней.

– Ты, Шипучкин, перевернул бы его, не дождёмся, я чую, экспертов.

Но не успел лейтенант прикоснуться к телу, как на полянке у озера стало как днём: подлетели машины из прокуратуры и судебно-медицинской экспертизы, свет фар забегал и осветил место происшествия.

– Бобров! – скомандовал Ковшов. – Вы за старшего. Задача, сами знаете, не затоптать следы, используйте собаку. Я с товарищами из УВД и КГБ дождусь результатов. Работайте.

Втроем они отошли с поляны к возвышавшимся неподалёку двум клёнам.

– Посекретничаем. – Данила подмигнул Соломину. – Удалось аферисту выудить кредит в банке?

– Кабы знать... – нахмурился тот, зыркнув на Квашнина.

– Одно дело делаем, так что не стесняйся, – подтолкнул его к откровенности Ковшов.

– Я же с тобой на заседании бюро штаны протирал. Не докладывали ещё новости мои орлы. Но из обкома Фугас сбежал.

– Как? – вспыхнул Ковшов. – Шундучков пообещал мне, что последят его ребята?

– Удрал, едва заседание началось. Подъехала замызганная «Волга», номера в грязи, и он смылся, а преследовать, проследить – не их забота.

– Ах, Шундучков, Шундучков! – нахмурился Данила. – Неспроста всё это.

– В банке он был, – вмешался в разговор всё время помалкивавший Квашнин. – И довольно продолжительное время. Доложили моим операм с поста банковской охраны. А в банк просто так не ходят.

- Так получил он кредит или нет? – кусал губы Ковшов.
- До утра теперь не узнать, – закурил Соломин, предлагая распахнутый портсигар друзьям.
- Судя по бумажке на груди и сотенной, кое-что ему выгорело. – Квашнин затянулся, но, закашлявшись, отбросил сигарету.
- Забыл, что бросил? Не балуй, – напомнил ему Данила.
- А сам?
- У меня сегодня последний день – и в завязке. Очаровашка утром пропесочила так, что до сих пор икаю. – Он с удовольствием пустил колечко дыма над головой и подтолкнул Соломина. – Что успели накопать твои, не договорил?
- Генерал Сербицкий выбегал зачем-то с бюро, звонил несколько раз к себе в управу.
- Мало ли дел у генерала, – закашлялся опять Квашнин. – Операция «Снежный ком» запущена, видать, интересовался её ходом.
- Перед первым выходом генерала Фугаса как раз вызвали из зала. – Соломин, казалось, выдавливал из себя фразы, так ему этого не хотелось, но настойчивый взгляд Ковшова подталкивал его. – Парни Шундучкова привели его к одному из влиятельных людей Дьякушева, а уж оттуда отвезли в банк, где и оставили. Забирала его «Волга».
- И ты молчал, подполковник?! – сжал кулаки Данила.
- Считал информацию недостаточной, чтобы строить серьёзные версии об убийстве. Над всем этим надо ещё много работать.
- Малейшая нить – это составляющая большой паутины, к которой могут иметь отношения и люди Дьякушева! – вспылил Данила, вспомнив поступки Шундучкова.
- Но... – попробовал возразить Соломин.
- Я понимаю ваше положение, товарищ подполковник, – отрезал Ковшов. – Поэтому обо всём сегодня же доложите своему генералу. И сообщите, что в ближайшее время мне необходимо с ним встретиться.
- Данила Павлович, – вклинился в их разговор подбежавший Бобров, – осмотр трупа завершён, можно транспортировать его в экспертное учреждение для дальнейшего исследования?
- Результаты?
- Смертельны все три огнестрельных ранения. Выполнены из револьвера иностранного производства, но довольно странной марки. Стрелял один человек. Профессионал, может, и снайпер. Все ранения пострадавший получил лёжа, перед убийством был оглушён тяжёлым предметом, возможно, кулаком по затылку, но при этом удар нанесён довольно крепким человеком. Петля на шее – декорация.
- Оружие? Меня интересует оружие!
- Гильзы убийца, вероятнее всего, подобрал, а пули извлечёт эксперт. Придётся ждать.
- Что собака?
- Покрутилась у следов и фыркнула носом.
- Понятно. Уничтожающая запахи присыпка?
- Так точно.
- Значит, нападавших было двое?
- Убивал один: здоровый, высокий... Второй мог подстраховывать или наблюдать, нести охрану.

На войне нельзя ошибаться дважды

– Выходит, свои! – хлопнул себя по колену Квашнин. – В банке Фугасу отгрузили наличными, а братва перевстретила и расквиталась за все его фокусы и долги.

Ковшов с Соломиным разъехали, лишь полковник с оперативной группой не торопился со сборами.

– Слушай, Сергей Иванович, – подозвал он лейтенанта Шипучкина, – ты эту версию про религиозного маньяка сам родил или подсказал кто из наших?

– Вспомнил Инока, Пётр Иванович, – оживился тот. – Он от Фугаса ни на шаг не отходил. Его приглядывать приставил Кривой Фома, известный авторитет и их батька коронованный.

– Ну?

– А Инок верующим был до фанатизма, только вера его не христианской была, а особенной.

– Разобрался бы сначала.

– Что-то вроде баптиста.

– Не похоже на Инока, не будет верующий мокрушничать...

– Вот из таких Чикатилы и получают, – рассуждал лейтенант, не соглашаясь. – Философствуют, думают много о назначении человека, книжки разные читают, какие нам противны. Кто знает, что у них в голове?.. Инок, может быть, сейчас денежки с братвой делит, о пролитой крови не помня, да над нами, плутающими в пустом фарисействе, посмеивается.

– Как ты сказал, лейтенант? Фарисействуем, значит, мы с тобой? Да ещё о пустом?

– Извиняюсь, товарищ полковник. Увлёкся.

– Брехло без костей, а ещё опер! – выругался Квашнин. – Прыгай ко мне в машину немедленно! Садись за руль и гони на Базарную. Мы сейчас Гнома хлопнем, а он с испуга про Инока всё и выдаст.

* * *

Гном, вор-щипач, удивительный коротышка, чуть ли не лилипут, был зол, как никогда. В доме у него никого не оказалось, кроме брехливой собаки, такой же маленькой, как он сам. Сколько ни задавал ему вопросов полковник, как ни бился, Гном молчал, словно немой, только отворачивался в тусклое, давно немытое окошко.

– Слушай, Трофим Анисимович, – сменив тон, опустился на стул Квашнин, – тебя, видать, бабы сегодня не посещали, поэтому такой неразговорчивый?

Тот с дикой тоской в глазах покачал головой.

– И вчера, чую, не гостили. А хошь, скажу почему?

– В гробу я видал ваши подсказки...

– Пустой ты, Гном. Мани-мани бабы любят, а ты на мели.

– Пургу гонишь, полковник. Была у меня одна дармовая.

– И кому ж ты её променял?

– Бросила она меня.

– Тебя? Такого кобеля! Да в жизнь не поверю!

Шипучкин рот раскрыл, так Квашнин умело расположил к себе опытного вора, минутой назад не желавшего никого зреть.

– А вот слушай, – принял тот от майора сигарету, запустил в потолок струю дыма и принялся рассказывать: – Зимой это было. Перед самым Новым годом...

Лейтенант, не теряя нить повествования, обошёл всю комнату, заглядывая в углы. Не упуская подозрительных мест, незаметно постукивал по стенкам, где само просилось, тща-

тельно изучал поскрипывающие полы. Гном, увлечённый своим, не обращал на него внимания, изредка похохатывал полковник, шумно хлопая ладонями и пуская тирады по ходу; словом, хлопот Шипучкин им не доставлял.

– ...А Катька через меня перешагнула, оделась и, матерясь, выскочила в дверь. Больше я её и не видел... – грустя, налив водки в стакан, заканчивал Гном. – Да, чемоданчик тот, с деньжатами, с собой прихватила.

– Значит, обвела тебя баба вокруг пальца?

– Выходит, так, – опрокинул тот в рот стакан водки. – Одарить собой не одарила, а заплатить пришлось.

– Пётр Иванович! – уловил минуту лейтенант. – Можно вопросик обсудить?

– Про Катьку? Их, баб, трудно за хвост ухватить.

– Да нет. Выйти бы нам? Мыслишка наклюнулась.

Они вышли в коридор, оставив хозяина допивать водку.

– Мне бы глянуть одно место. Что-то мелькнуло в мозгу, да так, что в пот ударило.

– Серьёзное?

– Я прошу, Пётр Иванович...

– Да в чём закавыка-то?

– Вернуться бы мне на место происшествия...

– А ты подумал, какой круг давать надо? Я же машину отпустил. Не раньше чем через полчаса Николай за нами прикатит.

– Да я обойдусь. На своих двоих домчусь туда и обратно.

Квашнин задумался, поглядывая на оперативника:

– А зачем тебе это понадобилось, поделиться с начальством нет желания?

– Пустячок проверить, Пётр Иванович. Боюсь, смеяться станете, если промашка выйдет.

– Серьёзный ты, однако, дружище, – потрепал Квашнин по плечу лейтенанта. – Хорошо.

Сам таким был в молодости. Понимаю. Беги, но поспешай.

– Спасибо, товарищ полковник!

– Если меня не застанешь, когда возвернёшься, дуй к Червонному. Его малина тут недалече. Я найду его потрясти. С Гномом осечка вышла.

– Вас понял.

И они расстались.

Один покойник тащит другого

С Червонным у Квашнина случился конфуз не конфуз, но небольшая оплошность. Опоздал полковник. Когда он заявился, соблюдая все меры предосторожности, и заглянул в светящееся окошко, Червонный стоял посреди своей хаты в одних портках, голый по пояс, с задранными вверх ручищами, а вокруг сустились милиционеры.

Капитан Семён Семёнович Милашкин, известный опер из городского райотдела, производил большой шмон у Соломона Лавровича Шихмана – по-воровски Червонного – в связи с групповой кражей из магазина. Похищенное, как и положено, отыскивали, оно уже было рядками разложено на столе, а что не поместилось – на стульях, на редкой мебели и прямо на полу, выволоченное из объёмистых чувалов. Воры-помощнички, а их рядом с Соломоном в позе Ромберга стояло ещё двое, мрачно помалкивали, повесив головы.

– Хорошо работаешь, Семён Семёнович, – пожал руку Милашкину Квашнин. – Медалька обеспечена. Давно плакала по Соломону тюремная конура, но удавалось ему ускользать.

– Какая медаль! Хорошо, если премию за квартал подбросят, а то, глядишь, и не дотянешь, если висяк на голову свалится. – Капитан присел рядом с полковником запросто, по старой дружбе, и они закурили. – Эти кражонки, хоть и со взломом, а на полторы тысячи не потянут. Барахло. Да и ворьё – шелупонь. За таких премии не дождёшься.

Соломон, всё хорошо слышавший, обиженно фыркнул:

– Какого же рожна вам надо, сыскари?

– Молчи, гнида! – осадил его Милашкин. – С твоим возрастом давно на дно садиться да краденое скупать, а ты никак не успокоишься. Чего твои арапы на тебя глядят, не знаю. Авторитета из тебя никакого, нового хваткого во главу пора.

– Ты серьёзно их учить вздумал? – Квашнин толкнул в бок старого дружка. – Накликаешь на свою голову. Про убийство Фугаса сообщили?

– Слышал, – нахмурился тот. – Мокрушника я и метил замести, а эта шелупонь подвернулась под руку.

– Ты уж, Семён Семёнович, – как бы сочувствуя, подмигнул капитану Квашнин, – Соломону-то особенно не накручивай, мы с ним знакомство ведём с той поры, что о-го-го!

– Извиняюсь, не знал, товарищ полковник, – присоединился к его игре Милашкин. – Учту. Как же без этого.

– Ну вот, слышал, Соломон? – со значением глянул Квашнин на наострившего уши вора. – Обещает мой товарищ тебе снисхождение, но с одним условием.

– С каким ещё условием? – насупил брови тот.

– Неужели не догадался, мудрый хрыч, что взял тебя капитан не для того, чтобы в мелочке копать?

– Открой глаза, чего ходить вокруг да около? – обиделся тот.

– Ты со своими орлами и Иноком куш срубил с Фугаса?.. Что рот раскрыл? Срубил. Вот и выкладывай, кто заказал и на кого работал. А я тебе обещаю солидную скидку за твою признанку чистосердечную.

Соломон действительно застыл, выкатив глаза на полковника.

– За что мокруху шьёшь, начальник? – наконец прорвало его. – К чему мне семь граммов у стенки?.. Своей смерти в постели желаю!..

Голосил он бы ещё, упав на колени, но поднялся на выход Квашнин, кивнул капитану:

– Поработай с ним, Семёныч. Недосуг мне. Кошки душу гложут, лейтенанта Шипучкина отпустил к скверу, где убийство свершилось, задерживается он что-то...

– Посиди, прибежит сейчас, – попытался остановить его Милашкин. – Молодые, они на ноги быстрые.

– Вот именно, что быстрые, а этот оперок особенно ко мне прикипел, уж больно башковит. Обещался мигом, а, гляжу, задержало его что-то. И машины нет, как назло. Попросили на несколько минут, а вишь, как получается.

– Так я пошлю своего? Сгоняет, не успеешь перекурить.

– Нет, я уж сам, – шагнул к двери Квашнин. – Нашёл, видать, лейтенант закавыку, поймал журавля в небе, вот и не спешит – радуется. Молодёжь, она такая... теперь ему и полковник нипочём...

* * *

Осеклось сердце у Квашнина, когда подходил он к зловещему скверику, возле которого уже маячило несколько машин и милицейский воронок. Устоял на ногах полковник, а через секунду бросился вперёд, расталкивая и гражданских, и своих. Застыл, когда открылось ему зелёное озерцо за сквериком. Нагнулся над самой водой, куда были устремлены напуганные взгляды столпившихся, и охнул: глянули на него из глубины широко открытые глаза лейтенанта Шипучкина. Удивление замерло в них, а всё остальное застила кровь...

Нежданная встреча

Не проехал Ковшов и несколько кварталов, как его внимание привлёк автомобиль иностранной марки с затонированными стёклами.

– Москвичи который день гоняют, – прокомментировал не без зависти Константин, проследив за удаляющейся машиной. – Похоже, к скверу тому направляются. Пронюхали журналюги об убийстве, решили разведать, в чём дело, да в газетку тиснуть.

– Мелко плаваешь, Костя, – пропустил первые фразы мимо ушей Ковшов, думая о своём. – Московским журналистам не до нас... Впрочем... Тормозни! Глянь, действительно они туда свернули?

– Всё точно. – Гася скорость, водитель продолжительное время изучал зеркальце заднего вида. – Удивительно, откуда они узнают всё раньше всех!

– Профессионалы, – почесал затылок Данила и скомандовал: – А ну-ка разворачивай за ними и попробуй обогнать их другой дорогой.

– Один момент!

Для Кости, в совершенстве знавшего все переулочки, задача не представляла труда, он уже приглушил мотор, и Ковшов успел выйти из салона, когда иномарка, плавно свернув с шоссе, подрулила к скверу и остановилась. Переднее стекло медленно опустилось, и Данила не без труда узнал женщину-пантеру. Сняв перчатку, Ника величаво подала ему руку. Едва Данила коснулся её пальцев, Ника распахнула дверцу и выпорхнула наружу. Чрезмерная поспешность привела к тому, что оба бы упали, не подхвати её Ковшов, однако при этом правой своей ножкой, обутой в чёрный сапожок, «Багира» больно оперлась о его ногу. Невольно опустив глаза, он подметил, что Ника успела сменить туфельки с золотистыми набойками, иначе ему было бы несдобровать, и всё же он поморщился.

– Вот я вам и отомстила, – шепнула она ему на ушко, – не надо покидать меня так скоро. Данила попытался возразить, но тот же голосок уже опередил его:

– Наступите и вы мне на ногу, иначе поссоримся. Не хочу, уважаемый прокурор, расстаться с вами так просто.

Данила замялся, смутившись.

– Значит, как истинный кавалер, вы решили проводить нас в поездку? – не давая опомниться, тараторила она.

– Не совсем так.

– Что-то случилось?

Водительское стекло поползло вниз, и на Ковшова, вытянув шею, глянул черноволосый красавец, обвешанный фотоаппаратурой.

– Автоавария? – лениво спросил он. – Нужна помощь?

– Убийство, – не сводя глаз с Ники, шевельнулся Данила. – Труп только что увезли.

– Как это произошло? – всплеснула она руками. – Нам в дорогу, и на тебе! Покойник – это к чему?

– К удаче, – ляпнул фотограф.

– Какое горе! Что ты мелешь, Хобби? – воскликнула Ника, но тут же бесечно оповестила Ковшова: – А мы уезжаем в какой-то аул. Представляете, Ивану Даниловичу так понравились фотоработы и мой репортаж, что он выпросил для нас в редакции ещё два дня отснять экзотику: барханы, верблюды, аксакалы...

– И саксаулы, – буркнул фотограф. – Будем объедаться бешбармаком.

– Прощайте, Данила Павлович! – Ника коснулась губами его щеки и запрыгнула в кабину, автомобиль дёрнулся, развернулся и погнал по шоссе к выезду из города.

– Только пыль из-под колёс. – Ковшов вернулся в салон автомобиля. – А нам разгребать.

– Чабанские точки в барханах не так-то легко отыскать, – посочувствовал гостям Константин.

– У них на заднем сиденье пытел какой-то пузач. – Ковшов устало закрыл глаза, сказывалось чрезмерное напряжение тяжёлого дня. – Толстяк похлеще Пантагрюэля, проводник, наверное, или директор совхоза, к которому они направились.

Нужен смельчак зажечь свет

На столе возле бутерброда с маслом стоял стакан с кефиром, а на клеёнке распластался вырванный из дочерней тетради в клеточку лист. Вынырнув только что из-под душа, Данила на одной ноге попрыгал вокруг стола, остерегаясь мокрыми руками касаться бумаги, и, обтёршись полотенцем, с нетерпением схватил заветное послание.

Оно гласило:

«Нечестивый наш батюшка, покорнейший государев слуга Данила свет-Павлович!

Нижайшие бьют Вам челом забытая слуга и супруга, а также Ваша несчастная дочь. С глубоким возмущением уличаем Вас, коварный льстец, в прескверном нарушении обещаний и клятв, ведь Вы опять заявили домой далеко за полночь, не уведомив о причинах по телефону. Обманув, не появились и в поликлинике.

Мочи нет перечислять далее Ваши бессовестные прегрешения, а поскольку постыдные поступки эти входят в Вашу практику, измученная супруга вместе со скорбящей дочерью удаляется к бабушке вплоть до полного Вашего покаяния и исправления!

Несравненные и единственные, забытые и брошенные супруга и дочь».

Внизу мелким почерком приписано:

«Вас видели поздно вечером на проезжей дороге наедине с красоткой! Стыдитесь, презренный нечестивец!»

И уже серьёзнее звучало следующее:

«Сын перестал писать. Вестей от него нет третью неделю. Разберись, отец!»

Данила поцеловал подпись, оделся, опорожнил чашку кофе и набрал военного комиссара, бывшего в курсе всех их секретов с сыном.

– Палыч! – начал успокаивать его комиссар. – Это же военная разведка! Забыл? Сегодня здесь, а завтра за горами. Не пишут орлы порой месяцами, да ещё задержка с почтой! Потом пачками отгружают. Так что вразуми жену, всё нормально. Оснований для тревог нет.

– Ты всё же пошукай, Георгиевич! – буркнул Данила. – Очаровашка такая чувствительная.

– А другие матери не такие?

– И всё же...

– Палыч, ты глянь внимательней последнее его письмо. Возможно, сквозь строк он намекает о предстоящих перемещениях? Там же на задницах не сидят, как я здесь.

– Жорик, ну я тебя прошу...

– Сделаю всё, что могу, хотя мои возможности тебе известны. – И тот повесил трубку.

«Что же ты не пишешь, сынок? – Данила подёргал себя за ухо и постучал по деревянной крышке стола. – Свалились вдруг все болячки в одну кучу! Закон подлости в худшем его варианте...»

Налить вторую чашку кофе помешала тревожная трель телефона.

– С добрым утром, дорогая! Я тебе сейчас всё объясню! – закричал Данила в трубку, но осёкся, прерванный сухим голосом Элеоноры из обкома:

– Данила Павлович, я вас соединяю с Дьякушевым.

И тут же безо всякой паузы в телефоне зарокотало:

– Товарищ заместитель! Вам известно, что в городе два убийства?

– В осмотре трупа Фугасова я лично принимал участие.

– Уголовник меня не интересует!

«Как быстро ты открестился от афериста, оббивавшего твой порог!» – позлорадствовал Ковшов, а в трубку отрапортовал:

– Главная версия о причинах его убийства связана с чиновниками высшего эшелона. Я бы хотел встретиться с вами по этому поводу.

– Вот-вот, – сбавил тон Первый, – а что скажете по поводу второго чепэ? Покончил жизнь самоубийством начальник службы серьёзного банка. У вас имеются соображения?

– Кто вам сообщил?

– Генерал Сербицкий. Только что. Сейчас он в банке. По словам управляющего Куртлебса, его заместитель Ширбаев допустил оплошность и дал добро на выдачу крупного кредита проходимцу. Фирма оказалась липовой, и деньги канули. Боясь ответственности, разгильдяй застрелился.

«Он мне все события преступления растолковывает, будто собственными глазами наблюдал. Не Сербицкий ли рядом подсказывает?..» – невольно подумал Данила и спросил:

– А что же генерал?

– Он прибыл на место по звонку управляющего. Полагаю, ваше присутствие там необходимо.

– Конечно. Я выезжаю немедленно с оперативной группой.

Соединившись с генералом, Ковшов высказал недовольство, что его не поставили в известность.

– Исключительный случай, – сухо извинился тот, – признаться, Данила Павлович, в моей практике такое чепэ впервые, поэтому я позвонил Первому. Похищенная сумма уж больно велика...

– Я скоро буду с криминалистом и следователем по особо важным делам. Побеспокоюсь и о медицинском эксперте, – не дослушал его объяснений Данила.

У входа в банк его поджидал городской прокурор.

– Твоя территория, Дедов? – вместо приветствия, нахмурился Ковшов. – Два трупа за сутки! Мух ловишь? Какие мысли?

– К сожалению, трупов уже три, Данила Павлович.

– Как? Кто ещё?

– Тело оперативника Шипучкина найдено в озере у сквера. Убийца тоже не обнаружен, а по гибели Ширбаева информацию только собираем, – опустил тот глаза. – Фугас в этой же связке, но доказательства лишь косвенные.

– Предположения?

– Интуиция.

– К вечеру чтобы были факты! Занимайтесь. Здесь вы нам не нужны.

Ковшов почти вбежал наверх, важняк, тяжело дыша, едва поспевал за ним. Молодой охранник банка отстал. Возле кабинета, отмеченного вывешенной фотографией покойника в чёрной рамке, Данила замер на секунду и, распахнув дверь, сухо поздоровался с бросившимся навстречу управляющим.

– Куртлебс Станислав Миртович, – представился тот.

«Сравнительно молод, кучеряв с заметно подкрашенными под голубую седину висками, – отметил для себя Ковшов. – Красавчик! А красавчики деньги любят».

– Ширбаев – мусульманин, – подошёл, поздоровавшись, Сербицкий, – застрелился ночью. Сегодня по их обычаям его положено прижать к земле до захода солнца.

– Не будем спешить... – поморщился Ковшов. – Медики прибыли? Осмотр и последующее вскрытие для исследований – это прежде всего. Какова причина смерти?

– Данила Павлович, – шепнул на ухо генерал, – здесь Иван Данилович, к нему с просьбой обратились родственники.

– Обойтись без вскрытия?

– Ну да... – замялся генерал.

– Где он? Я объясню сам.

Сербицкий провёл его в соседнюю комнату, где Дьякушев, обмякнув в кресле, принимал успокаивающий укол медсестры.

– Дурно действует на него вся эта обстановка, – опять шепнул генерал. – Чуть не упал, увидев труп.

– А какого рожна надо было его туда водить? – вспыхнул Данила.

– Попросил... Своими, так сказать, глазами увидеть пожелал...

– Покойник его знакомый, друг?

– Что вы! Дьякушев близок лишь с управляющим.

– Родня?

– Никак нет.

– Так что же?

Сербицкий пожал плечами. Они подошли к Первому, когда медсестра закончила с процедурой.

– Вот некстати, – изобразил кислую улыбку тот.

– Иван Данилович, – твёрдо глядя в глаза Дьякушеву, отчеканил Данила, – вам придётся извиниться перед родственниками погибшего, но закон запрещает хоронить тело без вскрытия в случае насильственной смерти, что имело место быть. Желаете, я сам объявлю им об этом?

– Нет, нет... – к удивлению не возразив, забормотал Первый и даже смутился. – Поступайте, как положено в любой цивилизованной стране. Кто вам сказал, что я собирался препятствовать...

– И хотел бы уведомить всех, – сжал губы Данила. – Первым в помещение с трупом должен был войти следователь с экспертом.

– Выстрел услышал охранник, заглянул, а потом вызвал управляющего банком, – буркнул явно уязвлённый генерал.

– Хорошо. – Приоткрыв дверь в соседнюю комнату, где, сложив руки на груди, лежал на столе прибранный в белое покойник, Ковшов впустил туда следователя.

– Слушай, Данила Павлович, – отвёл его в сторону Сербицкий, едва сдерживаясь от ярости. – Для кого ты ломаешь всю эту комедию? Для Первого? Так ему плевать. Управляющий без тебя в штаны наклал и дрожит за свою шкуру. Заключение медика никому не нужно. Ширбаев незадолго до смерти прибежал вечером домой, клялся жене, что натворил кучу дел, за которые придётся расплачиваться: кредит выдал аферной фирме и плакался о самоубийстве, чтобы не позорить семью.

Сербицкий вошёл в раж, начал размахивать руками:

– У него имелось разрешение на личное оружие. Он не только начальник охраны, но одновременно и заместитель управляющего банком. Вот и психанул, да ещё нажрался водки, наверное.

– Растям Мунирович был непьющим... – неслышно подошёл к ним управляющий.

– Значит, в холодном, так сказать, рассудке. – Генерал нервно заходил по комнате. – Возможно, вполне возможно, что совершил он это небескорыстно. Хапнул на лапу. Но что с покойника теперь взять? Написал предсмертное письмо, записку объяснительную. Сколько бумаги извёл!.. – Генерал схватил Ковшова за руку и потащил за собой в комнату, где следователь осматривал труп. – Обрати внимание, как далось ему смертоубийство!

Рядом с покойником на столе лежали скомканные листы, а в пепельнице – куча пепла. Глядя на пепел, Данила попытался задать вопрос генералу, но сзади послышались шум и крики.

Оглянувшись, они увидели преследовавшего за ними Дьякушева. Чрезвычайно побледнев, он, покачнувшись, упал бы, но его подхватил Куртлебс и поволок к распахнутому окну. Внизу, среди собравшейся толпы людей, Ковшов заметил робко махавшего ему фетровой шляпой человека. Перекрикивая уличный гвалт, Данила позвал дежурившего на дверях охранника:

– Пропустите его! Это ко мне!

Когда сидящего интеллигента провели наверх и подвели к Ковшову, Данила крепко его обнял:

– Хочу представить блестящего медицинского эксперта, профессора Дынина Илью Артуровича. – Ковшов будто невзначай подтолкнул гостя к генералу. – Прошу любить и жаловать, Генрих Антонович. В неординарно сложившейся ситуации я решил воспользоваться его исключительными способностями.

Дынин раскланялся, начав с Дьякушева, но тот уже собрался покинуть банк, подхваченный с двух сторон под локти Сербичким и Куртлебсом. Однако Ковшов преградил им дорогу.

– Извиняюсь, Иван Данилович, – обратился он к Первому, – я вынужден задержать на некоторое время Станислава Миртовича.

Куртлебс побледнел и закачался на подкосившихся ногах.

– Ну, ну, Станислав, – подбодрил его генерал, хотя смятение посетило и его физиономию, – это простая формальность. Не так ли, прокурор? Расскажете следователю, что вам известно о самоубийстве заместителя... и т. п. и т. д.

– Я полагаю, следователь сам разъяснит обязанности свидетелю, – не сдержался от сарказма Ковшов. – Однако задержанный в скором времени в банке не появится.

– У меня же большое совещание на днях! – взмолился управляющий. – Серьёзный вопрос надо готовить на рассмотрение бюро обкома, Иван Данилович!

Но Первый, окрепнув на глазах, шагнул к дверям, будто ничего не слышал.

– Версия самострела, – продолжил ему в спину Данила, – одна из многих, а главное – нет заключения о причине смерти Ширбаева, для чего я и пригласил опытного судмедэксперта в прошлом, в настоящее время – профессора медицины Дынина. Неизвестно также, что написано в предсмертной записке. Пепел, увы, если и «заговорит», то не скоро. Криминалистам над ним работать да работать. Одним словом, вопросов много, товарищ первый секретарь обкома.

– Разбирайтесь, – донёсся до Данилы уже из коридора приглушённый хрип Дьякушева. – Докладывайте результаты следствия лично мне.

Великий эксперт Дынин Илья ибн Артурович

Как ни торопил Данила Илью, придав ему в помощь все лучшие силы бюро судебных экспертиз, Дынин обещал готовность только через двое суток, при этом насчёт заключений в отпечатанном виде зарёкся сразу.

– Чем тогда порадуешь? – не торопился класть телефонную трубку Ковшов.

– Не имею права трепаться, пока сам не созрел.

– Помнишь, помнишь, старина, чему учил тебя Югоров, – подсластил Данила, – а я вот порой нарушаю кое-какие его заповеди. Жизнь подстёгивает.

– От Галицкого давно по шее не получал. Щадит он тебя, любимчика.

– Загостил Аксентий в парижках, – посетовал приятель. – Слушай, Илья ибн Артурович, а может, убежишь ко мне, потолкуем, как раньше бывало? Вспомним молодость... Я Петруху Квашнина приглашу...

– Про Очаровашку что-то помалкиваешь. Не разгонит наш мальчишник?

– Уехала Очаровашка. Взяла дочку и укатила на моря. Так что один я мыкаюсь и рад буду вам обоим. Бутылку коньячка выставлю.

– Должен тебя огорчить, Квашнина увидеть не удастся.

– Что случилось? На днях мы с ним у трупа Фугасова общались.

– Занемог, бедолага, нет его на работе. Хороший наш знакомый, помнишь майора Донцова, шепнул мне – загулял Петро.

– Неужели заколобродил? С чего бы?

– Убили его лейтенанта голубоглазенького.

– Шипучкина?

– Его. Простить себе не может Петро нелепую потерю.

– Будь он хоть в лёжку, а вечером чтоб вы оба были у меня! Убийц искать надо!

– Вряд ли мне удастся поставить его на ноги.

– На то и наука, профессор, – жёстко отрезал пути к возражениям Ковшов.

Светлое начало – чёрный конец

Совпадения поначалу обрадовали, потом шокировали, затем начали пугать, да так, что Дынин отбросил скальпель.

Профессор не мог ничего понять. Увлёкшись, где-то не заметил?.. Обмишурился при большом объёме исследуемого материала?.. Понадеялся на опыт, а там, ослеплённый лёгкой удачей, съехал в колею и само собой покатилося-понесло?..

Дынин, оставив операционный стол и синюшное тело покойника, в глубокой задумчивости заходил по кабинету. Со стороны он напоминал человека не в себе. Покурировавший в приоткрытую дверь помощник попробовал подать голос, но ответа не получил.

А Дынина терзали сомнения. Понятно было одно: душегуб, лишивший жизни Ширбаева, понаставил ловушек и пеньков эксперту. Надо отдать ему должное, сделал он это умело и даже достаточно профессионально, у Ильи Артуровича мелькнула мысль: не врач ли злодей? Но присутствовали элементы слишком явных, бросающихся в глаза повторений. Переборщил, хитрец! А это свидетельствует о стереотипе. Убийца надеялся, что профан или поспешавший эксперт заглочит все расставленные им закавыки и успокоится сделанным ложным выводом. Успех вскружит голову недотёпе, и вот оно – желаемое. Страшная ошибка, а вернее, желаемая ошибка. Этого душегуб не дожждётся!

– Достоин уважения сей бандит! – вскричал в пустом кабинете профессор. – Хотя и по колено в крови, он велик. Но я ещё не сказал последнего слова!

Дынин величаво обвёл взором пустые стены кабинета и заорал:

– Жора! Куда вы пропали?

Ассистент немедля подскочил, скомкав сигарету.

– Жорик! – потряс перед его носом грязным халатом профессор. – В таком одеянии мысль учёного тонет и гибнет! Сменить на стерильное, а мне чашку кофе покрепче. И как когда-то говаривал Данила Ковшов – вперёд и с песней!

Одухотворённый ассистент умчался. Он не помнил, когда видел шефа таким последний раз.

А Дынин, размахивая руками, с кем-то спорил, соглашался, посмеивался, тут же хмурился, и со стороны это походило на спор Фауста с Мефистофелем, с той лишь разницей, что возле вскрытого трупа метался один человек и не мелькала битая посуда.

– Нет, не услышали ещё от меня последнего слова... – внятно завершил длинную тираду профессор. – Врачей выручает пациент. Даже при смерти он ещё способен указать перстом или глазом на болезненное место...

– Наш пациент, увы, подобен льду, – напомнил ассистент, помогавший облачиться Дынину в стерильное одеяние.

– Вот здесь и зарыта собака! – вскричал профессор.

– Упаси бог! – опешил Жорик.

– Я это в переносном смысле, коллега. Все наши три пациента, увы, не способны вымолвить ни слова. Как бы им этого ни хотелось. Но это их преимущество, а не недостаток.

– В чём?

– Как же вы недогадливы! Они жертвы и недвижимы, чёрт возьми!

– Я вам ещё нужен, Илья Артурович? – Ассистент посчитал за лучшее ретироваться.

Шутка ли сказать: меняя помощников, профессор за прошедшие полтора суток обработал полностью трёх пациентов: труп Фугасова, принёсший чудесное озарение, оказался последним.

– Спасибо, дружище, вы свободны.

– Профессор, – всё-таки замялся ассистент. – Может, что-нибудь?..

– Спасибо, я совершенно здоров, – ответил Дынин. – Ты принял меня за полоумного?

– Как можно?..

– Можно! – успокоил его тот. – Я не стыжусь, хотя выгляжу, наверное, таким. Но успокойся, мой друг, это случается. И поверь мне, великое счастье редко приходится переживать живому существу, в особенности учёному.

Жорик потупил глаза: бежать ли ему за помощью или слушать дальше?

– Исследование я закончил, – объявил вдруг ни с того ни с сего профессор.

– Как?

– Не удивляйся. Мне оставалось лишь завершить глубокий анализ всех деталей. Этим я и занимался на ваших глазах.

Профессор облегчённо вздохнул и огляделся: стрелки на настенных часах стыли, не двигаясь.

– Который час? – воскликнул он.

– Шестой... вечера, – промямлил ассистент.

– Любезный друг, приберитесь в лаборатории и передайте наши материалы в печать. Мне надо спешить. Извините. К утру всё должно быть готово.

И профессор, накинув прямо на халат свой старенький плащик, схватил шляпу, зонт, портфель, бросил туда кое-какие бумаги и торопливо откланялся.

Выйдя на засоренную толпой улочку, Дынин летел среди людей, словно на крыльях, не чувствуя ни толчков, ни ругани в спину; им двигала великая сила нетерпения. Маршрут был достаточно известен, с детства его выручала великолепная память. Профессор достаточно хорошо изучил предоставленные ему Ковшовым протоколы осмотра места происшествия, где были обнаружены трупы гражданина Фугасова и лейтенанта Шипучкина.

Когда наконец-то, намучившись спешкой и переведя дыхание, Илья Артурович шагнул под листву деревьев долгожданного скверика, там никого не оказалось. Обнявшиеся парочки разогнало темнеющее с ужасной быстротой небо. На город надвигался буря, шторм, а может быть, дикой силы ураган, одним словом, что-то страшное. Казалось, все нечистые силы слетались сюда.

Профессор подошёл к озерцу, долго вглядывался в зелёную глубь, как будто мучительно что-то вспоминал или рассчитывал. Наконец глаза его сверкнули, он слегка улыбнулся, опустил портфель, расстегнул его и извлёк резиновые перчатки. Скинув мешавшую шляпу и зайдя по колено в воду, он начал осторожно шарить по дну, ухватывая и ощупывая каждый куст и ямочку, каждый бугорок.

Вот он вскрикнул, разогнулся и, забыв про мокрые перчатки, почесал спину – проклятый радикулит не вовремя дал знать о себе. Но вновь полез уже увереннее в то же место. И новый вскрик, но уже радости, а не боли, раздался над водой. Профессор тяжело разогнулся, держа в перчатках внушительный свёрток. Дынин приоткрыл краешек, чтобы убедиться, что не ошибся, довольно хихикнул и зашагал из воды. На суше свёрток был аккуратно обмотан им в полиэтилен и упрятан в портфель.

– Ну вот, дело сделано, – прошептал профессор и... охнул, упав лицом вниз.

Квадратная, словно шкаф, фигура в тёмном плаще выросла над ним, потирая кулак.

– Не зашибить бы до смерти, – наклонился незнакомец над распростёртым телом и успокоился: – Нет. Сердце вроде тикает.

Широко раскорячив ноги, неизвестный высморкался, огляделся и мрачно прогнусавил:

– А ведь никто мне не верил...

Легко взвалив щуплое тело профессора на плечо, он прихватил портфель и, крякнув, зашагал из сквера, бормоча:

– Тянет всех этих злодеев на место смертоубийства какая-то сила. А ведь забывают, что излишнее любопытство есть путь не к познанию, а к собственному жизненному концу.

Бой дромадеров⁴

Налитый кровью немигающий глаз гигантского верблюда хищно косил на толпу галдящих вокруг него людей. Раздражённое животное, скаля жёлтые зубы, вращало башкой в разные стороны с неповоротливостью динозавра, намереваясь влить струю слюны, капающей уже из пасти, в того, кто осмелится подобраться ближе остальных. Более всего дромадэру досаждали круживший рядом мужчина на стрекотавшем мотоцикле и покрикивающая женщина за его спиной. Не чуя опасности и страха, они мельтешили почти под копытами животного, зля его всё больше и больше.

– Делай кадр, Хоббио! Ещё, ещё! – Красивая, неистовая, со сверкающими глазами «пантера» торопила приятеля, позабыв обо всём на свете.

Но фотограф медлил, ловя единственный удачный миг. Помогавшая гостям, раскрасневшаяся от усердия, молодая казашка на жеребце в национальном костюме, словно угадав желание Хоббио, наотмашь стеганула верблюда лёгкой нагайкой по горбу. Тот взревел от боли, заплясал на месте и, задрав вверх передние копыта, пустил струю пенной слюны в надоевших обидчиков. Залитые потоком омерзительной пакости, Хоббио слетел с мотоцикла, «пантера» свалилась в песок бархана. Степнякам, наблюдавшим за сценой, это доставило большую радость, вызвав хохот и едкие остроты.

Взбешённый Хоббио, ругаясь и обтирая лицо, подбежал к одному из погонщиков, вырвал из его рук ружьё и бросился к вершине бархана, куда удалился удовлетворённый отмщением верблюд. Но не успел фотограф сделать и двух шагов, как тяжёлый удар кулаком в спину свалил его.

– Чёрт возьми, Арсенал! – вскочил он на ноги, подобрав выпавшее ружьё. – Не вмешивайся! Я убью поганую тварь!

Толстопузый верзила, названный Арсеналом, ударом ноги ловко выбил ружьё из его рук: – Урод! Вокруг люди! Уймись!

Мгновение – и, казалось, фотограф набросится на обидчика, однако раньше этого между ними встряла женщина в чёрном костюме. Драчуны отскочили в стороны, опасаясь прикоснуться к ней.

– Возьми себя в руки, – буркнул верзила. – Сам раздражил животное домогательством, ужимками, да ещё устроил посмешище для этих туземцев.

Остывая от гнева, Хоббио огрызнулся и принялся стирать пену с лица и одежды. Вид у «пантеры» был не лучше, так что Арсенал не сдержался от хохота.

Стремительная наездница соскочила с жеребца, подбежала к посрамлённым неудачникам и увела в юрту, где принялась заботливо обмывать их из кувшина, приговаривая:

– Тот, кого верблюд наградил плевком, обязательно разбогатеет. Народное это поверье старо как мир. Вам очень повезло, дорогие мои!

Причитания наивной степнячки развеселили парочку, и они принялись брызгаться водой, да так, что досталось и верзиле, явно не разделявшему их настроения.

– Арсенал, – не отставал задиристый фотограф, – а не подставить ли тебе рожу под плевков горбуна? Я мигом сфоткаю. В столице снимок станет сенсацией и обойдёт все модные журналы. Мы заработаем с тобой денег на халяву.

– Козёл! – сплюнул тот. – Как был пустобрёхом, так и остался. Занялся бы делом, а то слишком развеселился. Вытряс деньги из купца?

Глаза фотографа недобро засверкали. Драка могла вспыхнуть снова, но Ника и молодая наездница, подхватив обоих за руки, со смехом потащили в другую юрту к источающему аро-

⁴ Дромадер – одногорбый верблюд.

мат свежеприготовленных мясных блюд дастархану, вокруг которого рассаживались на ковре хозяин, аксакалы и приглашённые гости. Молодые девушки, словно газели, пронеслись с тазиками, кувшинами и полотенцами, сливая каждому на руки. Старейший – иссохший старик в халате и колпаке, возвышаясь посередине всей этой праздничной суеты, – оглядывал входящих важным взглядом и указывал каждому заранее уготованное место. Большое серебряное блюдо, заваленное кусками баранины, перемешанными лапшой, красовалось перед ним.

Дождавшись, когда все усядутся и воцарится тишина, аксакал поднял с блюда два бараньих уха и с поклоном вручил их хозяину и хозяйке, повелевая тут же съесть, напутствуя при этом:

– Любезные хозяева, это вкушать вам, чтобы вы издалека слышали подъезжавших гостей, успевали сварить лучшего барана, угостить гостей досыта от чистого сердца.

Понравившийся тост вызвал шумные возгласы одобрения и обильное возлияние спиртным.

– Нас осчастливила посещением красавица из Кремля! – продолжил старец. – Её профессия – сказочно рассказывать обо всём увиденном и услышанном. Великолепная, скушайте язык ягнёнка, и ваша речь зазвучит песней!

Низко поклонившись, Ника приняла яство и откусила кусочек под поощрительные аплодисменты.

Хоббию и Арсенал заёрзали на подушках в ожидании очереди, но глава застолья плавно перевёл приветственные речи на местных знаменитостей, и оба извелись от нетерпения, изрядно набравшись спиртного. Наконец, вспомнив о гостях, аксакал остановил взгляд на Хоббию:

– Любезный этот фотограф продемонстрировал несравненное искусство запечатлеть мгновения жизни на века. Он видит всё вокруг, не упуская главного. Пусть эти два глаза усилят твою зоркость!

Никую едва не стошнило, когда, рисуясь, Хоббию с победным видом лихо проглотил оба презента, запив гранёным стаканом водки. Оживился и Арсенал, пребывавший в некотором оцепенении от поглощенных яств и напитков.

– Был бы с нами твой отец, – между тем шептал на ухо Нике перебравший фотограф, – мозг из башки ягнёнка по праву принадлежал бы ему. Парацельз – гений и гарант всех наших успехов!

– Замолчи! – одёрнула его женщина. – И перестань пить! Ты становишься опасен несносной болтливостью!

Арсенал же, заполучив главный приз, разбрасывая жир и кусочки мяса, грыз баранью башку под дружный рёв разгулявшихся. Крупные зубы гиганта выделывали чудеса, и скоро обглоданный череп засверкал белизной.

– Эй, шустрик! – издеваясь, крикнул герой впадшему в ярость сопернику. – Хватай «мыльницу», лепи с меня снимки для столицы! Да гляди, чтобы моя физиономия уместилась в кадр с этим черепом!

– Нет, эта скотина просто напрашивается, чтобы я набил ему морду! – выругался Хоббию, едва сдерживаемый Никой.

– Кончайте лакать оба! – заметалась она между ними. – Завтра отец ждёт нас с деньгами. Забыли? Я с удовольствием бы покинула эти места сейчас, но темнеет, а заблудиться в барханах – трагедия.

Арсенал вразумился раньше и, облепленный расхваливавшими его мощь степняками, выбрался из юрты, отыскал отдохавшего у колючек дромадера и взгромоздился на животное. Пока наездник не двигался, верблюду вёл себя спокойно. Но из юрты выскочил Хоббию, поднявший соперника на смех, и, не успокоившись, стал тоже подыскивать для себя скакуна.

Выбежавшая на поиски обоих Ника застала ужасную картину: в образовавшемся кругу подвыпивших любопытных два всадника, настёгивая несчастных дромадеров, съезжались в непримиримой схватке. Ника рванулась было в круг остановить побоище, но степняки повисли на ней, а начальствовавший в юрте аксакал грозно вознёс вверх руку:

– Назад, женщина! Это дело мужчин!

Куда девались былое почтение, возвеличивание и пестование! В этих суровых пустынных краях детей и женщин к делам мужчин допускать запрещалось.

Ника рвала на себе волосы: Хоббию затеял недоброе; ревнуя её к Арсеналу, он давно точил на него зубы. Отца поблизости не было, а ведь только Парацельза слушались и побаивались оба.

Между тем схватка уже заканчивалась на вершине бархана, и степняки облепили бойцов, азартно поддерживая криками.

Верблюды, кусая друг друга, сбиваясь грудь на грудь, дрались из последних сил, однако тот, на котором с трудом удерживался Арсенал, начал уставать. Его подводила правая задняя нога, вывихнутая в схватке и искусанная врагом. Когда верблюды падали и барахтались, эта беда была незаметна. Но всадники, жестоко стегая животных нагайками, поднимали их на ноги снова и снова. Тот, на котором гарцевал Хоббию, был молод, сух и жилист, под стать наезднику, ловко управлявшему горбуном. Верблюд Арсенала был старым зверем, в человеческой руке не нуждался и руководствовался собственным нравом. Подчиняясь природе, вопреки командам хозяина, он действовал иначе. Часто это вредило ему, так как он заметно уступал молодому врагу в скорости и крепости зубов. Молодой полосовал его брюхо и ноги, пытался дотянуться до шеи, где билась желанная аорта. До известного времени старому дромадеру удавалось увертываться и спасать уязвимое место, однако при каждом столкновении делал он это всё медленнее.

Но вот с вершины бархана дромадеры свалились в яму и зарылись в песок так глубоко, что даже ужасная боль от ударов нагайками не могла их поднять. Теперь они вцепились друг в друга зубами, дико вращая огромными глазищами.

Первым сдался тот, который был под Арсеналом, он завалился на бок, отбросил башку на всю длину изъеденной противником шеи, закатил глаза и захрипел. Арсенал оказался под ним, придавленный грузным туловищем и задней ногой. Горбун, управляемый безжалостным Хоббию, добрался до шеи врага и вгрызся в неё острыми могучими зубами; мгновение – и фонтан чёрно-бурой крови вырвался со свистом в небо.

Застонал и Арсенал, не в силах столкнуть с себя умиравшее животное, в агонии копытом сдавившее ему грудь и перекрывшее дыхание. Ему грозила смерть от удушья. Не в силах что-либо произнести, умолая, он выкатил глаза на Хоббию. В его горле булькало, рот не закрывался, живительный воздух перестал проникать в лёгкие.

Промедли Хоббию мгновение, и его соперник ушёл бы в иной мир, навсегда перестав доставлять беспокойство, но дикий вопль раздался за спиной. Это Ника почуяла неладное. Хоббию бросился к врагу, сбросил копыто и рывком высвободил тело Арсенала. Не двигаясь более, он долго дождался, пока толстяк откроет мутные глаза.

– Слышишь меня, боров? – прошипел Хоббию, нагнувшись над ним. – Не крутись возле Ники! Не целясь на неё и её денежки! И на Парацельза не надейся, пока я жив!

К верблюдам и всадникам, пересыпанным песком, отчаянно вопя, бежали люди. Ника бросилась к Хоббию. Но тот, словно не замечая её, поднялся без посторонней помощи; безумная улыбка блуждала по его тонким губам. Он по-хозяйски обтёр верблюжью кровь с рук белой рубашкой Арсенала и, не оборачиваясь, бросил подбежавшей девушке через плечо:

– Жирного спасай, горбун его покалечил.

Ночь сюрпризов

– Папочка! – В комнату Ковшова протиснулась детская курносая головка, и звонкий голос Танюшки оповестил: – Это к нам дядечка Петечка притопал. Принимай, пожалуйста, гостя.

– Веди сюда, дочка, этого никудышного Петечку, я ему устрою заслуженную баню! – Данила оторвался от стола, заваленного бумагами.

– Не наказывай его, папочка! – залепетала девочка, опустив реснички; она остановилась в растерянности, держала за руку полковника Квашнина. – Дядечка Петечка нам мешок подарков принёс.

– Этот коварный подхалим не может без подлизства, – грозно поднялся над столом Данила, которому было отчего расстраиваться: он только что пережил непростую встречу с внезапно возвратившейся с курорта женой, с трепетом ожидал теперь появления Дынина и Соломина, но дружки запаздывали, а вот Квашнин тут как тут, этот точен, хоть сверяй по нему часы, а ведь Илья уверял, что дружок в запое.

– Иди, дочка, к маме, – поцеловал Данила девочку. – Устали вы в дороге, пора отдыхать, а мы с Петечкой чаёк попьем.

– Ты не будешь ставить его в угол? – заглядывала отцу в глаза сердобольная заступница; дядечка Петечка был её закадычным дружком, и по этому поводу Ковшов иронизировал: «Умеет старый хрыч подбирать ключик к малым детям вместо молодых теть».

– Упрятал, злодей, дитё, не дал послушать её рассказов о синем море, – заискивающе произнёс Квашнин, как только Данила, возвратившись, отвернулся к окну.

– Перегар валит, как ни крутись, старый лис! – ругнулся Ковшов.

– А что это Очаровашка прискакала? – Квашнин пытался «замести следы». – Вроде не обещала так рано? Случилось что?

– Говорить с тобой не хочу, мент несчастный, – не теплел Данила. – Смерть бойца – не повод напиваться до смерти и на работу не являться. Просить будешь, чтобы я за тебя генерала Сербицкого умолял?

– Виноват в смерти опера, вот и принял, но генерала просить за себя не собираюсь. – Квашнин заметно обиделся. – Лучше спроси меня: кого я тебе доставил?

– Да что тебя спрашивать, пьянь несчастная? У тебя ноги до колен в воде. Где Дынин?

– Я за ним приглядывать не приставлен, – огрызнулся Квашнин, снимая мокрые полуботинки. – Илья выполняет твои поручения. У меня своё дело. Кстати, Илья нам не понадобится.

– Это как?

– А так!

– Дынин звонил мне и высказал доводы, что убийства Фугасова и Шипучкина совершены одним лицом. – Не сдерживаясь, Ковшов нервно заходил по комнате. – А смерть банковского служащего вовсе не самоубийство. Но это только начало, слушай далее...

– Это уже не так важно, – перебил его приятель. – Я только что задержал преступника, имеющего прямое отношение к убийству Фугаса и моего Серёженьки...

– Повтори! Повтори, что ты сказал...

– Терпению моему нет предела! – Квашнин развернулся в коридор и возвратился назад, неся на плечах запутавшегося в тряпье и собственных одеждах неизвестного; не церемонясь, он сбросил его под ноги Ковшову:

– Поймал на месте преступления.

Данила попытался рассмотреть лицо незнакомца.

– Не обращай внимания, что притих, он жив, скотина, больше притворяется, – пнул того ногой Квашнин. – Брыкаться в пути вздумал, ну я его хлопнул слегка по одному месту, чтобы не шумел.

– Зачем ко мне? – недоумевал Данила. – Почему не в дежурную часть?

– За кого бы там меня приняли в таком виде?!

– Не обознались бы.

– Времени у нас в обрез, а там разборки бы затеяли... сегодня в управе дежурит майор Катушкин. Станет звонить генералу, разбулгачит всех, одним словом... – поморщился полковник. – А заявись я с этим уопленником в любой райотдел, меня потом анекдотами замучают.

– А ты у нас такой стеснительный, – хмыкнул Данила.

– У этого гада в руках портфель какой-то.

– Раскрой.

Квашнин занялся портфелем, развернул находившийся в нём свёрток и, к удивлению обоих, выложил на стол револьвер странной конфигурации.

– Ты не фокусник?.. – опустил на стул Данила. – Сознайся, знал заранее?

– Сроду не видел.

Ковшов осторожно указательными пальцами обеих рук поднёс оружие к глазам. Долго рассматривал и наконец произнёс неуверенно:

– Пушечка-то, кажись, не наша. Очень старого образца револьвер, если не коллекционный.

Незнакомец на полу застонал.

– Жив, бандюга, я же говорил... – пнул его ещё раз Квашнин.

– Перестань, это ж не футбольный мяч. Врача не вызвать?

– Обойдётся.

– Откуда же ты приволок это криминальное чудо? – начал злиться Ковшов. – Объясни толком. Явится на шум Очаровашка, что я объясню? А если придёт Соломин? Ведь я его приглашал сегодня... Опасаться мне его нечего, но как объяснить?

– Соломина не жди. У них генерал совещание закатил такое, что к утру конца не будет.

– Всё-то тебе известно... И на завтра в КГБ совещание большое, меня пригласили.

– Лучше послушай, как я эту сволочь заарканил.

– Что с тобой делать?.. Рассказывай.

– Понимаешь, Данила, – начал Квашнин, – после того, как они Сергея в том скверике завалили и в озерцо сбросили, меня словно кольнуло что-то – придут ещё раз. Зашкалило на этом, и всё! Засел в укромном месте и караюлю. Дня не пожалел. И точно. Гляжу, к вечеру прибегает этот тип. Ветрище налетел, гроза вот-вот разверзнется, а он при зонтике и портфеле, под интеллигента, значит, закосил. Натягивает перчатки и начинает по дну, где Сергея нашли, шарить. Ну я дрожу весь, а сдерживаюсь, дожидаясь, пусть найдёт то, что ищет. Тогда с поличным я его и возьму...

Незнакомец зашевелился на полу уже вполне осмысленно, попытался приподняться на руках, но они подкосились.

– Оживает наш мокрушник! – зло посмотрел на него Квашнин. – А ты беспокоился насчёт его здоровья.

– Не отвлекайся.

– Чуть не заорал он, когда свёрток со дна выгреб, тут я его и прихлопнул с вещественным доказательством. – Полковник схватил револьвер, ловко покрутил на пальце.

– Осторожней с неизвестным оружием, ковбой, – отобрал у него револьвер Данила. – Предохранителя не видать. Бабахнет, греха не оберёшься.

Он поднёс револьвер ближе к глазам:

– Гравировка какая-то имеется. Пушка эта французского производства, и, похоже, в барабане остался один патрон.

– Вот чёрт! Иностранных киллеров нам не хватало! – выругался Квашнин. – Мороки с ними! – В сердцах он пнул незнакомца в очередной раз.

– Хватит!

– Да я его легонько, чтобы не задремал в тепле.

– Твоим «легонько» быка свалить можно, – послышался с пола знакомый голос.

Приятели уставились друг на друга.

– Илья! Разрази мою душу! – заорал Квашнин и бросился на пол поднимать того, кто уже с большим трудом походил на профессора судебной медицины Илью Артуровича Дынина.

Сюрпризы продолжают

Квашнин, побледневший и, что называется, сражённый наповал, пришёл в себя лишь через несколько минут, когда Данила перенёс Илью в ванную, раздел и пустил тёплую воду. Переполох поднял на ноги всё семейство Ковшова. Прибежала Очаровашка, за ней притопала Татьяна, и все закружились вокруг пострадавшего, однако пристыженный полковник, искупая вину, вытолкнул женскую половину и сам принялся растирать Дынина мочалкой. Профессор млея и ругая Петра Ивановича, но, когда по лбу недавнего мучителя заструились капельки пота, его душа тоже оттаяла, он смирился и начал выбирать выражения попримичнее.

Очаровашка накрыла стол для чаепития и, смерив Данилу взглядом, не обещавшим ничего доброго, отправилась с дочкой досыпать, а тот, подмигнув приятелям, приоткрыл дверцу шкафа и выставил бутылку коньяка, объявив:

– За спасение тела и души пострадавшего раба Божьего Ильи ибн Артуровича!

Все трое обнялись и выпили стоя.

– Вот уж действительно балбес! Как я мог тебя принять за убийцу? – ошупывая и похлопывая приятеля, не успокаивался Квашнин. – Рассказывай, что тебя привело к озеру?

– Братцы, налейте ещё сто граммов, – взмолился Дынин. – Медики – народ особый, мозг не созрел для ясности мысли.

Выпили ещё по одной, и профессор, пожевав кусочек лимона, расслабился, откинувшись на спинку кресла:

– Ну что сказать, друзья мои. – Он закрыл глаза от удовольствия. – Начну, пожалуй, с того предмета, что я обнаружил в воде.

– Вот! – сунул ему диковинный револьвер Квашнин.

– Собственно, на поиски оружия я туда и отправился, – повертел в руках револьвер Дынин. – Три пули, обнаруженные мною в теле Фугасова, оказались идентичными, и теперь я убеждаюсь, что они вполне могли быть выпущены из этого иностранного револьвера.

– Позволь-ка, Илюша... – осторожно принял оружие из рук Дынина Квашнин. – В барабане остался пятый патрон древних времён – недлинноватенький снарядик, калибр примерно пять семьдесят пять или шесть миллиметров, но жажнет так, что рад не будешь.

– Друзья! – поднял палец Данила. – Это же пушка на ночных собак! Французы в девятнадцатом веке изготовили их специально для велосипедистов, чтобы обороняться от них. И название у револьвера весьма чудное...

– Волкобой? – предположил Квашнин.

– При чём здесь волки? Я же сказал, первые велосипедисты, раскатывая вечерами по Парижу, пугали шумом людей и собак. Колёса-то были без резины. Собаки, естественно, бросались на них, кусали за ноги, порой забавы заканчивались настоящими трагедиями. Обороняясь, господа спортсмены пользовались именно таким оружием.

– Бедные животные! – Профессор разлил коньяк по рюмкам.

– А где выход? Париж тогда не был таким ухоженным и культурным. Город утопал в грязи. А ночью? Без револьвера зверьё загрызёт до смерти! Я его в коллекцию криминалисту сдам. – Ковшов погладил уникальную находку. – Конечно, после того, как убийцы будут осуждены. И название его я вспомнил – «вельдог».

– Это же след! – вскричал Квашнин. – Стрелявший из него, несомненно, коллекционер.

– Или вор, похитивший коллекцию, – подхватил Данила.

– Это уже детали. Искать надо коллекционера.

– Четвёртую такую же пулю я извлёк из тела лейтенанта Шипучкина, – перебил приятелей Илья. – Представьте, меня осенило, что стрелявший мог выбросить орудие убийства в озеро, ну я и бросился к скверу. Как видите, не ошибся.

– Я думаю, – задумчиво произнёс Квашнин, – такого же рода мысль осенила и моего Серёгу. Шипучкин прямо-таки рвался к озеру, будто чуял, что убийца выбросил оружие туда.

– Тогда револьвера там ещё не было, – поправил приятеля Илья.

– Зато был убийца! – сверкнул глазами тот. – Неизвестно только, что его-то заставило рисковать и возвращаться на место преступления поздно ночью?

– Не эта ли вещица? – Данила отправился в свой кабинет, открыл сейф и возвратился с поблёскивавшей на ладони золотинкой.

– Похоже на сломанную подковку... – неуверенно высказался Илья. – Но позвольте...

– Натурально, старичок! – хлопнул его по плечу Квашнин. – И гадать нечего – подковка к каблуку женской туфельки, уж мне-то поверьте.

– Но какое отношение сия принадлежность дамской обуви может иметь к убийству? Не хотите ли вы сказать, коллеги?..

– И среди баб встречаются такие, что ой-ой! – оборвал Дынина полковник. – Сколько их из-за денег расчленили собственных любовников!

– Но такая подковка может быть на каблуке лишь изящной и дорогой ножки, – не сдавался профессор.

– Вот я и думаю: не за ней ли вернулся убийца лейтенанта Шипучкина? – вмешался Ковшов, забирая вещицу и возвращая в сейф. – Она обнаружена нашим важняком при завершении осмотра места убийства Фугасова. Нашлась достаточно далеко от трупа, чтобы можно было сразу придать ей должное внимание, ведь в сквере в разное время перебивало немало гулявших парочек. Полагаю, подумал так и Шипучкин, приметивший её, а потом, уже отбив с тобой, вспомнил.

– Точно! – рубанул рукой воздух Квашнин. – Вспомнил и прилип ко мне – назад вернуться понадобилось... И хотя бы объяснил зачем! Его там словно дожидались...

– Убийцы тоже хватились пропажи, ведь подковка сломалась, а её остатки навели на мысль о поисках... – кивнул Данила, надолго задумавшись.

– Завтра же погоню своих орлов облететь все женские мастерские по ремонту, – поморщился Квашнин. – Не было печали, да купила баба туфлю с золотой набойкой.

– Вряд ли это золото, – засомневался Илья, – слишком дорогое удовольствие в наше-то время на ногах его носить.

– А я вот не уверен, – нахмурился Данила.

– Есть основания? – тут же полюбопытствовал Квашнин.

– Пока только мысли...

– Ну мысли! Мысли, что голуби, у вас побудут и прочь улетят! – усмехнулся Квашнин и тут же затеребил Дынина: – Слушай, профессор, а Ширбаева в банке не из этого «вельдога» шлёпнули? Что-то ты помалкиваешь загадочно?

– Третий труп имеет совершенно иную картину смерти. – Дынин глубоко вздохнул, будто набирая новых сил. – Ширбаев застрелен из собственного служебного пистолета. Убийство сие сфальсифицировано.

– Как!

– Убийца оглушил жертву, вложил пистолет ему в руку и произвёл выстрел в голову. Удар был лёгким и не оставил следа, так как был нанесён профессионалом в нужное место. Лишь незаметная глазу гематома обнаружена при вскрытии. Убийца – или спортсмен по японским единоборствам, или опытный боец, он...

– Он хорошо знаком с Ширбаевым, – перебил Дынина Квашнин, – ведь тот остался с ним наедине в служебном кабинете банка и очень близко подпустил к себе, совершенно не ожидая нападения.

– Никаких следов сопротивления или борьбы, – подтвердил Илья.

– Женщина могла быть убийцей? – внезапно спросил Данила.

– Женщина? – не удивился Дынин. – Теоретически – да. Ну а если поверить Петру Ивановичу про бабу-ой, то аргументов против я вообще не нахожу.

– Теоретически... – сжал губы Данила. – Нельзя ли поосновательней, профессор?

– Сфальсифицировать убийство из пистолета – большое искусство, необходимы специальная подготовка, чисто мужская сноровка и достаточная физическая сила.

– Что это тебе взбрело в голову про бабу? – покосился на Данилу Квашнин. – Подковка покоя не даёт?

– Завтра с утра я приглашён на совещание к начальнику КГБ, – внезапно сменил тему тот и обернулся к Дынину: – Хочу взять тебя с собой, Илья ибн Артурович, – и улыбнулся. – Ты уж подготовься. Уверен, там возникнут вопросы по всем последним убийствам.

– Есть основания? – заинтересовался Квашнин. – Там, наверное, и наш генерал будет. Лоханулся он со своим «Снежным комом».

– Какой балбес дал такое имечко боевой операции? – хмыкнул Данила.

– Да уж нашлись умники... – буркнул приятель. – Генерал, как заявился Дьякушев в область, в рот ему заглядывает.

– Ну ладно, мужики, – пожал руки приятелям Ковшов. – Припозднились мы, а мне ещё посидеть поработать надо. Думаю, без вашего «Снежного кома» завтра тоже не обойдётся на совещании. Кстати, Петро, – он поднял глаза на полковника, – за тобой все женские мастерские и коллекционеры старинного оружия, не забудь.

– Обижаешь, прокурор.

Что день грядущий?

Совещание у начальника КГБ продолжило провозглашённую Первым ещё на заседании бюро идею гонения на ведьм, обозначенную генералом Сербицким операцией «Снежный ком». Народу требовалось показать хотя бы видимость активизации усилий с коррупционерами высшего эшелона, для чего в срочном порядке предпринять возбуждение не менее двух-трёх уголовных дел на подвернувшихся под горячую руку зазевавшихся мошенников. Авантюрная, скоропалительная и неподготовленная затейка с «захватом» начальника главка по строительству в сельском хозяйстве Лировиса с треском провалилась, другое уголовное дело подобного же рода плачевно завершилось освобождением из-под стражи и полной реабилитацией подозреваемого, но генерал заверил на совещании, что выводы сделаны, виновные понесли наказания, и руководство управления на этом не остановится, наоборот, усилия в этом направлении будут наращиваться. Под грозным оком уже другого генерала отчитались и соответствующие начальники служб КГБ о предпринятых мерах: в обычной своей засекреченной форме, не раскрывая ни цифр, ни фамилий.

Сам Первый не счёл нужным посетить сие мероприятие, прислав поёрзывавшего на стуле и промолчавшего все полдня Шундучкова. Ковшова, как исполнявшего обязанности прокурора области, пригласили, чтобы, завершая совещание, подвести черту, то есть выступить принципиально, критически и жёстко, что он и исполнил под стать Галицкому.

Попрощавшись с руководством «конторы» и уже покидая пустующий зал, Данила был остановлен в коридоре Соломиным, который попросил его заглянуть на несколько минут к нему. Два офицера дожидались их за столом.

– Майор Щербина и старший лейтенант Коробков, – представил их подполковник. – Вы довольно скупо обозначили известные события, на днях отметившиеся в нашем банке, Данила Павлович, – издали начал объяснять причину беседы Соломин, тщательно подбирая слова и стараясь не глядеть в глаза Ковшову. – Пожалели моё подразделение, допустившее серьёзные промахи?

– Как раз сейчас есть время их высказать.

– Вам не всё известно, и мне хотелось бы ознакомить вас с некоторой особо секретной информацией...

– У меня тоже приготовлен для вас некоторый материал, о котором нельзя было распространяться в зале, – перебил Соломина Ковшов. – Признаться, для этого я пригласил бы вас к себе.

– Так я начну? – поднял глаза подполковник.

– стакан воды не помешало бы, – разряжая обстановку, Ковшов изобразил улыбку. – Пересохло горло от выступления. Нагнал я страху?

– Поделом, – не смутился Соломин и мигнул майору, – но, может, по чашечке кофе, Данила Павлович? Мобилизует. Мне презентовали такой отличный!

– Жена запретила кофе под страхом ужасных болезней, – улыбнулся Данила, расслабляясь. – И перейдём к делу. В перерыве мне звонили из приёмной, – он глянул на часы, – через полчаса обещал пожаловать Илья Артурович Дынин с окончательными выводами экспертизы.

– По факту смерти Ширбаева?

– И по его убийству тоже.

– Как? Звучала версия о самоубийстве...

– Отзвучалась, – поморщился Ковшов. – Факт самоубийства умело сфальсифицирован. Но об этом потом. – Он выпил глоток воды. – Я внимательно слушаю вас...

– По нашим предположениям, в городе начала орудовать преступная группировка, о возможности появления которой я вас информировал.

- Криминал в банке – их рук дело?
- Есть основания полагать, что это так.

– Тогда я поделюсь своими соображениями на этот счёт. – Ковшов поднялся, походил по кабинету, тщательно скрывая раздражение. – На прошедшее совещание я собирался пригласить профессора Дынина, по моему настоянию проводившего медицинские исследования трупов Фугасова, Шипучкина и Ширбаева. Но, руководствуясь непонятными мотивами, ваше начальство посчитало присутствие блестящего учёного, сделавшего многое для раскрытия этих трёх преступлений, невозможным по причинам тривиальной секретности. Я высказал возражения и выразил претензии, руководствуясь тем, что, работая порознь, а не в тесной координации, мы много не добьёмся. Версией, исходящей из заключений Дынина, я поделюсь с вами, подполковник Соломин. Надеюсь, вы доведёте её до сведения руководства. Выводы будем делать вместе.

И Ковшов тщательным образом, во всех деталях обстоятельно проанализировал события с учётом неожиданных открытий Дынина и Квашнина, не оставив без внимания собственные соображения.

– Обязан доложить вам, Данила Павлович, что погибший лейтенант Шипучкин – наш сотрудник. – Соломина будто прорвало, он тоже поднялся из-за стола. – В милиции, как вы догадываетесь, он выполнял особые функции.

- За следствием приглядывал?
- Вам хорошо известно, что без этого нельзя.
- На это есть прокурорский надзор.

– Не мною придумано, товарищ заместитель прокурора. У нас свои инструкции и приказы, которые вам хорошо известны, как должностному лицу, имеющему доступ.

– Не будем тратить время на ненужные препирательства, – примирительно остановил Соломина Данила. – Судя по всему, Шипучкин последнее время работал по обозначенной вами банде?

– Под руководством майора Щербины Олега Петровича. В группу входил и лейтенант Коробков.

Майор и лейтенант поднялись без команды.

– Теперь понятно ваше присутствие здесь... – кашлянул Ковшов. – И что же вы наработали, майор? Потеряли бойца...

– Шипучкин подобрался близко к банде, но последовали известные события, которых мы не могли предупредить. Кроме того, Шипучкин не согласовал действия, ставшие причиной его гибели.

– Бандиты работают дерзко и непредсказуемо, – вмешался Соломин. – Аферы с хищением денег из банков обычно обходились без убийств. Кроме того, рядовыми, то есть непосредственными исполнителями, руководило лицо, несомненно, имеющее выход на высшие эшелоны власти.

– В отношении этих двух рядовых, как вы изволили выразиться, есть все основания для задержания. По меньшей мере, имеются у нас. – Ковшов сделал паузу. – Чем располагаете вы?

- Фотограф из столицы? – внимательно посмотрел на него майор Щербина.
- Второй рядом с ним, – подсказал Ковшов.
- Их трое отправилось на точку...

– Обыкновенное прикрытие очередного криминала. Они отправились за деньгами, которые незаконно выданы Ширбаевым человеку, фигурирующему под именем чабана Мерзакова. – Ковшов присел к столу, раскрыл блокнот. – Он объявился в одном из отдалённых степных районов недавно. И получил значительный кредит якобы на развитие хозяйства регионального значения. Боюсь, после посещения его нашими фигурантами и деньги, и сам Мерзаков исчезнут.

– Что вы собираетесь предпринять?

– Следователь по особо важным делам Бобров категорически настроен направлять туда спецназ и всех брать. Тщательную разборку организовать потом. Я, в принципе, не возражаю и готов дать ему сегодня же санкцию. Но...

– Скроется их главарь? – усмехнулся Соломин.

– Вы угадали, но тогда он себя обозначит.

– Изменит внешность... новый паспорт... и снова гоняться за ним по России или даже по Союзу?

– Это меня и настораживает.

– Я предлагаю другой вариант, – оживился подполковник. – Операцию по захвату бандитов и их подручных проводит майор Щербина с лейтенантом Коробковым и нашей небольшой группой бойцов.

– Место нахождения бандитов известно, – обрадованно сверкнул глазами майор Щербина. – Справимся малыми силами, не подымая шума. Разрешите исправить свои ошибки, товарищ прокурор?

Ковшову надо было принимать решение. «Прозвучавшие аргументы – веские. Отказывать тем, кто начинал операцию, потерял товарища и теперь жаждал всё исправить, не поворачивается душа; к тому же Бобров раньше следующего дня все вопросы не утрясёт, а там ещё мурыжиться с утряской спецназа...» – думал он и, обрывая мысли, спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.